ЛЕНА СОКОЛ

Разрешите влюбиться

Молодежная серия

Лена Сокол

Разрешите влюбиться

«Автор»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сокол Л.

Разрешите влюбиться / Л. Сокол — «Автор», 2019 — (Молодежная серия)

ISBN 978-5-04-100773-7

Настя Ежова, невзрачная студентка, из тех, кого принято называть ботаничками и заучками, хватается за любую работу, чтобы выжить в чужом городе и получить заветный диплом. А в параллельной вселенной ее однокурсник Рома Гаевский, мажор и тусовщик, прожигает жизнь, устраивает вечеринки и флиртует с девушками. Кажется, нет таких точек, где бы их судьбы могли пересечься. Но жизнь богата на сюрпризы, и, как выяснилось, не только на приятные.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100773-7

© Сокол Л., 2019
© Автор, 2019

Содержание

1 6
2 9
3 14
4 18
5 23
6 27
7 31
8 37
9 42
10 48
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Лена Сокол
Разрешите влюбиться

© Сокол Е., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

1

Если бы существовала награда за неуклюжесть, я ее точно получила бы, а потом уронила. Можете поверить мне на слово.

Возможно, это Вселенная так распорядилась или моя удивительная способность влипать в глупые истории, уж не знаю, но факт остается фактом: сегодня утром на глазах у всего универа я распласталась в позе морской звезды, да еще в луже, да еще и в ногах у самого популярного парня.

И если бы все вдруг не замерли, а потом не расхохотались, я бы, наверное, не догадалась, насколько сильно в тот момент облажалась. Подумаешь, красавчик, с которым мечтает встречаться каждая девочка. Подумаешь, сердцеед, на котором зарубки уже ставить негде – столько сердец он успел разбить. Это было абсолютно не важно, пока я не посмотрела в его глаза – злые, холодные и такие пронзительные, что тут же забыла, как дышать.

А началось все с того, что я проспала. Сидела за компьютером до пяти утра, доделывая курсовую работу, и вот, помнится, промелькнула мысль: сейчас все еще разочек проверю, распечатаю, а потом побегу к первой паре. И тут – дзынь! Будильник!

Оторвала голову от стола – и ужаснулась: вместо того чтобы распечатывать курсовую, я уснула, упав на клавиатуру.

И вот результат: последние страницы сплошь исписаны словом «ад». Точнее, различными вариациями из букв «а» и «д» и встречающимися среди них редкими «п», «р» и «о».

М-да… Моя жизнь горька, как огуречная попка, но судьба впервые так открыто об этом заявляла: слово «ад» отлично характеризовало ситуацию, в которую я влипла.

Оценив масштабы катастрофы, я вскочила, выделила в тексте упоминание о преисподней и, удалив, отправила файл на печать.

– Пожалуйста, только побыстрее. У меня совсем нет времени!

Охнув, крякнув и даже хрюкнув, принтер дернулся и… замер.

– Черт, бумага закончилась!

И, конечно, тут же порезалась об острые края листов, торопливо вкладывая их в прожорливый принтер. Вскрикнула, подпрыгнула и стукнулась головой о лампу.

– Бли-и-ин…

Вообще, у меня каждая копейка последние полгода была на счету, но, пожалуй, я готова была прямо сейчас оплатить тренинг «Что делать, когда все валится из рук».

В этом вся я – Настя Ежова, гремучая смесь из недоразумения, упорства и вполне заурядной внешности. Отличница, гордость курса, или, как говорят за глаза мои одногруппники, очкастая зубрила. Будем знакомы.

Пока принтер утробно рычал, выплевывая из своей пасти горячие и пахнущие краской листы, я бегала по маленькой комнатке, собирая в сумку разбросанные повсюду вещи. Полагаю, что девушке моего возраста следовало бы посмотреться в зеркало и расчесаться, но мне пришлось пренебречь такой возможностью в пользу того, чтобы спешно протереть очки и одеться.

Накинула вязаную кофту поверх мятого сарафана, натянула плащ и обмотала шею тонким шарфом. Потопталась немного на месте, ожидая, пока все распечатается, и, как только вышла последняя страничка, сложила листы в папку.

– Ты что, опять спала здесь? – раздался за спиной мужской голос.

Я прижала курсовую к груди и обернулась, успев придать лицу самое невинное выражение, на которое только была способна.

– Привет! Не-е-ет…

– Настен, – Костя, владелец боксерского зала и по совместительству мой дядя, вошел в каморку, оглядел царивший в ней беспорядок и обнял меня, – а что ты тогда тут делаешь так рано?

– Вот забежала распечатать, ты же не против? – улыбнулась я.

– Конечно нет. – Родственник недоверчиво посмотрел на меня (возможно, слегка помятую). – Точно все в порядке?

Я кивнула:

– Да! Ну, мне пора. – Поцеловала его в щеку и побежала к двери. – Выключишь компьютер, ладно?

– Хорошо… – И крикнул мне вслед: – Настя, подожди!

– Что? – отозвалась я уже на пороге тренерской.

– Кажется, небо затягивает. Возьми зонт!

Я качнула головой:

– Нет, дядь Кость, успею до дождя. Мне до универа десять минут дворами!

– Ну беги! – Он улыбнулся и махнул на прощание рукой.

А я поспешила к выходу и выбежала на тихую улицу. Еще вчера догорало лето, а сегодня – настоящий сентябрь с его прохладой, запахом сырости и жухлой травы. Я взглянула на небо и поежилась: оно действительно угрожающе потемнело. Вернуться за зонтом?

Взгляд на часы развеял все сомнения. Нужно было торопиться на учебу. И я понеслась по улице, крепко прижав папку с курсовой к груди.

Дождь всегда пугал меня, но последние пять месяцев особенно.

…Это случилось в апреле: родители, живущие в деревне, решили навестить меня. Собрали теплые вещи, запас провизии, подушку, чехол для которой мама сама вышила узорами. Она очень беспокоилась, ей казалось, что мне неуютно в студенческом общежитии – на старой койке, в серых стенах, в окружении таких же, как и я, бедных, голодных (по ее мнению) ребят.

Был самый обычный день. С утра подморозило, а днем светило солнце. Ближе к вечеру, когда родители уже подъезжали, вдруг зарядил дождь. Унылый, противный, монотонный.

Я вышла их встречать и долго всматривалась в проезжавшие автомобили. Ветер усиливался, и струи дождя хлестали по лицу, больно жалили глаза.

Мама и папа не приехали. Их машина попала в аварию на перекрестке за два квартала до общежития. Кузов всмятку – жвачка из металла и пластика. Подушку, ту самую – с вышитым мамой узором, мне отдали врачи «Скорой помощи» после того, как все случилось. Так я осталась одна. Кроме дяди Кости, маминого брата, и его дочки Алены у меня никого нет. Ни в этом городе, ни в каком-либо другом месте.

Дождь я не любила, а он меня, кажется, наоборот, очень даже. Большая черная туча гналась за мной. Ба-бах! После предупредительного выстрела грома хлынул ливень.

Инстинкт самосохранения должен был дать мне подсказку – спрятаться в тепле и уюте ближайшего магазина или кофейни, но почему-то молчал. Единственная правильная мысль, возникшая тогда в моей голове: надо срочно спрятать папку с курсовой под плащ. Что я и сделала, сменив торопливый шаг на отчаянный бег. Ливень прекратился, когда я подбежала к автостоянке рядом с университетом. Лишь редкие капли продолжали оседать на моем порядком промокшем плаще и влажных волосах. Очки запотели, и нужно было остановиться, чтобы протереть их, но я мчалась, торопясь оказаться под спасительным козырьком.

Дверца красного спорткара открылась в тот момент, когда я пробегала мимо. Если б не запотевшие очки, возможно, и удалось бы избежать позора, но моя неуклюжесть всегда успевает раньше меня: барьер я не взяла. В духе лучших фейлов из жизни бегунов с препятствиями налетела на эту дверцу с разбегу, а дальше… голова вниз, ноги вверх, задница в луже.

Мир мелькнул перед моими глазами и погас. Первое, что я увидела, очнувшись, – взгляд, недовольный и раздраженный. Видимо, пока я крутила в воздухе сальто и приземлялась, парень успел выйти из машины. Теперь он стоял надо мной, смотрел сверху вниз и хмурил брови. Очевидно, раздумывал – возмутиться или подать мне руку.

И тут раздался девичий смех. А затем обидное:

– Ой, смотрите, Страшила бросилась в ноги Гаю! Во дает!

2

Я даже не сразу поняла, что эти слова обо мне. С неба падали одинокие капли и, покалывая, приземлялись на мое лицо, а меня все глубже затягивало в холодные голубовато-зеленые глаза.

Да, лежать в луже под оглушающий смех сокурсников – нелепо, конечно, но я, кажется, потеряла ориентацию в пространстве. А может, ударилась затылком об асфальт так сильно, что не могла даже пошевелиться.

Секунду-две (или больше?) просто лежала и смотрела на него.

Высокий, достаточно крепкий. Воротник кожаной куртки не скрывает небольшой яркой татуировки на шее. Мокрые каштановые волосы взъерошены, на лице презрительная ухмылка. Все такое знакомое, ведь я видела его десятки раз в коридорах, но все же какое-то другое. Необычное. То ли потому, что мне не доводилось видеть его так близко, как сейчас, то ли потому, что я без очков. А кстати, где мои очки?

Не то чтобы я ничего без них не видела, но мир определенно выглядел иначе. Тех, кто остановился, чтобы позабавиться над моей неловкостью, видно было прекрасно, а те, кто стоял метрах в десяти от нас, на ступенях перед входом, легко узнавались по фигурам, одежде и голосам. Еще вчера они слезливо просили меня помочь по учебе, а сегодня так легко язвили.

– Ром, девчонки на тебя уже сами бросаются! – послышался женский голос.

Кто-то простучал каблучками и остановился в паре шагов от нас.

– Ага, даже Ежиха! – другой голос.

– Смелости набралась и кинулась!

Подружки остановились за спиной Романа и расхохотались.

Я приподнялась, опираясь на локти, и замерла, потому что он протянул мне руку. Сам Гай! Роман Гаевский, который никогда не замечал таких, как я, который выбирал самых красивых девушек. И он смотрел сейчас на меня, протягивая руку.

Я испугалась.

Смех почти затих, и все глазели на нас… Внутри меня встрепенулось недоверие. Оно подсказывало, что Гаевский хочет всего лишь посмеяться – подает руку, а стоит мне протянуть свою, тотчас отдернет под новые взрывы хохота. И это еще обиднее, чем позорно пасть к его ногам.

Но Гай казался серьезным.

– Все нормально? – спросил он сурово и холодно. Неужели бесится, что я налетела на дверь его машины и растянулась под ногами? Он, этот парень – весельчак и сердцеед, который с легкостью завоевывает сердце очередной красотки, а потом с таким же легким сердцем дает ей от ворот поворот и идет дальше, он разглядывает меня с таким вниманием.

– Что там, Гай? Что стряслось? – спросил кто-то насмешливо.

И в эту же секунду я вложила свою ладонь в ладонь Гаевского. Он подтянул меня к себе рывком: сильно, но осторожно. И у меня впервые в жизни перехватило дух от близости другого человека. Едва не воткнувшись носом в его грудь, я отпрянула, выдернула руку и прижала к груди.

– Ого, привет! – бросил подошедший к нам высокий брюнет в модном пальто шоколадного цвета и узких брюках. У него даже брови вздернулись от удивления. Он уставился на меня: – Кажется, я тебя где-то видел. Ты же… ты…

Но я его уже не слышала. Приложив руку к груди, я поняла, что плащ распахнут. А значит… Обернулась и обомлела. Курсовая, которую мне сегодня позарез нужно было отдать, разлетелась: какие-то листы порхали по воздуху, остальные, рассыпавшись, плавали в лужах.

Нет! Нет, нет, нет, нет…

– Гай, это что, твоя подружка? – усмехаясь, спросил парень.

Задыхаясь от волнения и ужаса, я посмотрела на Гаевского. Не могла не посмотреть.

– А похожа? – скривился он, глядя на своего приятеля.

Словно что-то переключилось у него внутри. Раз – и к Роману разом вернулись и веселье, и небрежность, и ленивая самоуверенность. Совсем другой человек – тот, к кому все здесь привыкли.

Он улыбнулся лишь уголками губ, но девчонки не упустили новую возможность засмеяться.

– Эй, милая, ты бы смотрела под ноги в следующий раз, – нарочито вежливо обратился ко мне тот, второй парень.

Не слушая его, я бросилась собирать с асфальта мокрые листы.

– Куда же ты так торопилась?

– Отстань от нее! – голос Гая звенел насмешкой.

Ну как же так? Почему? Я ночь не спала, торопилась доделать. Всю неделю провела в библиотеке, отыскивая нужную информацию для этой курсовой. Да, от нее зависит судьба человека. И даже не одного! Ну почему со мной постоянно такое происходит?!

– Пойдем, Дэн!

– Может, нужно помочь ей? – спросил парень с издевкой.

– Сама справится.

Я опустилась на колени, шмыгая носом, и стала собирать влажные листы. Мокрые волосы падали на лицо, мешали, приходилось откидывать их назад. А толпа, кажется, не спешила расходиться.

– Эй, замарашка, научные труды растеряла? – выкрикнул кто-то и засмеялся.

Я встала, прижав к груди грязные листы, и воинственно подняла подбородок. Посмотрела с вызовом. Они могут считать меня кем угодно, могут шушукаться и показывать пальцем, как делали это раньше, но я не позволю унижать себя прилюдно!

– Помолчи, Лид! – попросил Гай. Его просьба прозвучала так резко, что девчонка тут же замолчала, видимо, прикусив свой наглый язык. Роман нагнулся и подобрал что-то с земли. Нахмурившись, протянул мне: – Твое?

Я посмотрела на его ладонь, на ней лежали выпачканные в грязи мои очки. Быстро схватила их, стряхнула и чуть не разрыдалась: стекла треснули. Этого мне только не хватало! Я, конечно, обойдусь без очков какое-то время, купить новые денег нет.

– Бедняжка, разбила свои окуляры, – хихикнул кто-то из собравшихся. – Как теперь крот без своего бинокля?

– Лида, ты чего такая злая сегодня? – Парень в пальто обнял смеющуюся девчонку за талию. – Пристала к девчонке. Она, видишь, увидела Гая и забыла, что под ноги нужно смотреть. С кем не бывает!

Я тяжело вздохнула и продолжила собирать разлетающиеся на ветру листы.

– И ничего я не пристала, – прозвенел с обидой голосок, – мне на нее вообще плевать!

– Может, к Ромке приревновала? Так его ж на всех хватит.

– Чего-о-о?

– Да не смущайся ты! Гляди, какой он красавчик, приехал в дождь на тачке с открытым верхом, чтобы спор не проиграть. Только все равно проиграл.

– Руки убери, Дэн! – попросила Лида.

– Да я тебя просто приобнял, лапочка, – расхохотался он. – Или это только Гаю теперь можно?

Я с трудом сдерживала слезы. Чувствовала, как сырая одежда противно липнет к телу, и почти задыхалась от нахлынувшей стремительной волной обиды.

– Слушай, как тебя? – раздался уже знакомый насмешливый голос над ухом. Гай. Перед глазами предстали его идеально белые, несмотря на осеннюю грязь, кроссовки. – Брось ты их, пусть валяются.

Он не понимает! Я не могу их тут бросить. По крайней мере, нужно найти и спрятать от чужих глаз титульный лист.

– Нет! – я всхлипнула.

– Брось, говорю.

– Нет!

Мне хотелось, чтобы все исчезли, чтобы отстали от меня.

– Ну как знаешь, – бросил он, переминаясь с ноги на ногу.

– Что происходит? Почему все тут собрались? – громыхнул откуда-то знакомый бас. – Настя?

Я не обернулась, только еще быстрее начала собирать остатки курсовой.

– Ежова! – голос преподавателя по физической культуре Андрея Павловича приблизился и раздался теперь уже над моей головой: – Что происходит?

Я лихорадочно продолжала хватать мятые сырые листы и прижимать их к груди.

– Так, расходимся, – решительно сказал физрук. – Ты, Гаевский, хочешь помочь? Если нет, дуй на пары. И живо!

Послышались шаги, затем мягкий хлопок двери, мотор ожил, и красный спортивный автомобиль отъехал на несколько метров в сторону, чтобы там припарковаться.

– Что тут у тебя, Ежова? – Андрей Павлович наклонился, вглядываясь в мое лицо.

– Ничего! – я воскликнула слишком громко, выдав свое беспокойное, взвинченное и близкое к истерике состояние. – Просто…

И замолчала. Оставалось собрать еще пару листов.

Преподаватель сделал несколько шагов, поднял с асфальта то, что осталось от курсовой, и молча протянул мне.

– Спасибо.

– Поторопись, – вздохнул он, глядя на меня с жалостью, – занятия вот-вот начнутся.

– Угу.

Я развернулась и помчалась по лужам к мусорному контейнеру. Слезы застилали глаза. Было чертовски обидно, хоть вой. Видок, наверное, у меня еще тот. Я бросила в мусор ком смятых надежд и вытерла лицо сырым рукавом. Как теперь объясняться? А главное, где взять денег, которые нужны сегодня и срочно? Всхлипнув, я развернулась и припустила к входу.

Уже на лестнице не удержалась и обернулась. Гай стоял возле машины и курил. Я не могла знать точно, но почему-то была уверена: он наблюдал за мной. И от этой мысли по спине побежали мурашки. Трудно будет забыть его взгляд – злой и холодный, забирающийся, кажется, в самую душу. Но еще я запомнила жар его ладони: та, словно назло ледяным глазам, была горячей и мягкой. Такой уютной, что не хотелось отпускать.

Я забежала в вестибюль и понеслась прямиком в туалет, чтобы привести себя в порядок. Но уже знакомый девичий смех за дверью уборной меня остановил.

– Какая же Ежова стремная! – сказал кто-то. – И не стыдно в бабушкином плаще ходить? Фу!

– Курица мокрая!

Не хочу! Не хочу сталкиваться с ними, встречаться взглядами, знать, что они болтают про меня. Я развернулась и побежала в раздевалку, протянула старушке гардеробщице мокрый насквозь плащ.

Студенты подтягивались ближе к аудиториям. В коридоре почти никого не было, наконец-то на меня не глазеют.

– Ох, что это с твоей одеждой, деточка? – Бабулька наградила меня испытующим взглядом.

– Так. Промокла, – вздохнула я, пытаясь пригладить непослушные волосы.

Мои кудряшки в обычные дни жили своей жизнью и с моим мнением не считались, а сегодня, напитавшись дождевой водой, так и вовсе торчали в разные стороны. Безобразие. Кошмар. Просто ужас.

– Так с плаща вода течет! – Старушка нахмурилась. Подалась вперед, наклоняясь на стойку, оглядела меня с головы до ног и поспешила отворить дверцу, пропуская внутрь: – Так, милая, давай-ка проходи.

– Нет, мне…

– Проходи скорей.

Она втянула меня за руку.

– Но…

– Ничего не хочу слышать. Ты же вся мокрая! Гляди, даже колготки сырые. И платье! – запричитала она, подталкивая меня. – Простынешь ведь! Идем, у меня здесь обогреватель. Вмиг высушим тебя.

– Не могу! – Я попыталась сбежать, но не вышло, старушка уже преградила мне дорогу. – Мне на занятия надо.

Она забрала из моих рук разбитые очки и покачала головой:

– Вижу я, как ты со своими учебниками вечно носишься. Второй год уже от библиотеки и обратно, туда-сюда, туда-сюда. То чертежи у тебя под мышкой, то папки с работами. Лучше бы ты в столовку так быстрее всех чесала и пирожки там ела, вон тощая какая стала!

– Откуда вы… Я думала, никто меня не замечает… – Подталкиваемая морщинистыми руками, я буквально рухнула на стул.

– Ну, оно, может, и так. – Старушка живенько ухватилась за громоздкий радиатор и придвинула его к моим ногам. – Но от моего глаза ничего не скроется. Каждый день на вас смотрю. – Гардеробщица бесцеремонно ухватилась за мои коленки и подтянула их ближе к радиатору. – Одни красятся, как пугало, и хвалятся километровыми ногтями, потому что хвалиться больше нечем. Другие курить за угол каждую переменку бегают: «Дай куртку, на куртку, дай снова, забери обратно». Но ладно хоть ума хватает одеться, а то давно бы остатки мозгов простудили!

Я всхлипнула и провела ладонями по сырым колготкам.

– Лучше б я красилась, – я с сожалением посмотрела на разбитые очки в руках старушки, – тогда бы меня не называли страшилой.

– Кто страшила?! Ты? – Она быстро-быстро захлопала белесыми ресницами. – Да я такой красавицы давно не видывала, честное слово! Нашла кому верить, лучше меня послушай, чем этих куриц размалеванных: люди не обязаны выглядеть так, чтобы всем нравиться.

– Но…

– Никаких «но»!

– Мне на пару пора, – жалобно протянула я, глядя, как пожилая женщина заботливо расправляет края моего плаща, чтобы он равномерно высох.

– Нет уж, милая, никуда я тебя не отпущу. – Она замерла, заботливо и по-отечески оглядывая меня. – Посидишь здесь с часок, высохнешь. Ничего с твоей учебой за это время не случится.

– Не могу! – Мне хотелось разреветься.

– Это еще почему?

– Сегодня важная лекция. Пропущу – ничего не пойму. А не пойму – придется материал самой искать по разным учебникам. На это времени совсем нет, у меня работа.

– Откуда же ты такая? Ответственная.

– Из Степановки, – пробормотала я, утирая подступившую слезу кулаком.

Раздался звонок, и кто-то требовательно позвал старушку.

– Хорошо, – вздохнула она, протягивая мне очки, – кофта сухая у тебя? В мокрой никуда не пущу!

Я поежилась, ощупывая рукава, те были терпимо влажными.

– Сухая, – слукавила я.

– Второй звонок прозвенит, и побежишь. А пока пусть колготки твои сохнут, – приказала она. – Придвигайся ближе. Вон, стучишь зубами. И волосы сырые. Караул!

– Пять минут, – словно заклинание, проговорила я и взглянула на висевшие на стене часы. Ровно две минуты до начала пары. – Спасибо вам.

– Не за что, – ответила гардеробщица и, осуждающе качая головой, поспешила к стойке.

– И зачем вы со мной только возитесь? – уже в спину сказала я ей.

– Потому что ты меня всегда благодаришь, а так не все делают, – прозвучало в ответ.

Я опустила голову вниз. Не плакать! Не плакать! Нельзя! Но стоило только вспомнить позорную сцену с падением в лужу, как к горлу снова подкатил здоровенный ком. «Стремная она. Курица мокрая!» – звенело в голове.

– Слушай, Дэн, – где-то совсем близко послышался знакомый бархатистый голос, – давай серьезно!

– Серьезнее не бывает, – ответил собеседник, рассмеявшись.

Меня вряд ли бы услышали в шуме голосов и топоте ног, но я тихонько встала, стараясь не обнаружить себя. Подошла на цыпочках к штанге, завешанной куртками и плащами, и повернулась боком, чтобы лучше слышать. В полуметре от меня находилась решетка, прислонившись к которой и стояли эти двое.

– Твоим условием было прокатиться в дождь на тачке с открытым верхом, – сказал Гай низким, густым, как шоколадный сироп, голосом, – я сделал, как ты хотел. Так?

– Брат, ты реально думаешь, что так легко отделался от меня? – Дэн рассмеялся. – Просто прокатившись в тачке, которую мне же и проиграл? Не-е-ет, ты проиграл мне тачку. Будь мужиком, выполняй условие и гони мне ключи.

3

Мне становилось все интереснее. Я моментально забыла и о влажной одежде, и о стучащих от холода и обиды зубах и протиснулась поближе. Замерла, чтобы не выдать себя, и еще сильнее вытянула шею.

Что, что вы там сказали? Погромче, пожалуйста!

– Денис, мы ведь с тобой друзья, – выдохнул Гай, – это же просто шутка. Неужели ты заберешь у меня машину? Тем более я сделал так, как мы договаривались.

Ох, снова этот голос – низкий, с хрипотцой. Напрочь лишающий воли. Понятно, почему все девочки курса замирали, едва этот парень появлялся в поле зрения. Они чуть не визжали от радости, если он замечал их. А я в такие моменты всегда кривилась, потому что не понимала, отчего такой ажиотаж вокруг его персоны.

Ну красавчик, конечно, даже спорить бесполезно. Не смазливый, а как-то по-мужски, что ли, привлекательный. Четко очерченные скулы, грубоватые черты лица и яркие зеленые глаза с длинными, как у девчонки, ресницами. И губы – отдельная песня. Оружие массового соблазнения: так и тянуло к ним – проверить, действительно ли они такие мягкие, какими кажутся.

В этом парне всегда чувствовалась особенная сила. Он выделялся бешеной, бьющей через край энергетикой. Я запрещала себе обращать внимание на красивых и избалованных женским вниманием парней, да и не было у меня времени на всю эту ерунду из-за учебы, но, надо признаться, даже я реагировала на его появление.

Когда Гай входил, какие-то девчонки глупо улыбались, одновременно поправляя прическу, и шли в наступление, а другие – молча застывали статуями, будто пораженные одним его случайным взглядом.

От Романа исходил аромат денег, славы, адреналина и дорогого парфюма. В его глазах всегда читались превосходство и пренебрежение по отношению к сокурсникам, и то, как он смотрел на девочек, словно на товар в магазине, говорило лишь о том, что скучающий прожигатель жизни любит лишь себя.

Может, поэтому я никогда не стала бы одной из его обожательниц. И именно поэтому же предпочитала не замечать его вовсе.

– Гай, это была твоя идея. Так? – Голос Дэна стал тише. – Ты хотел этим заниматься. Ты все затеял. Тебе это было нужно. Я не знаю, почему и зачем, но я тебя поддержал. Не задавал вопросов.

– Потому что это весело, – усмехнулся Роман.

– Только ли весело? – Дэн многозначительно хмыкнул. – Я знаю тебя много лет, Гай. Изучил всех твоих тараканов, но это что-то новое. Ты можешь мне не говорить, но я и так все вижу, поэтому и согласился. Если от этого тебе станет легче, о’кей. Всегда готов поддержать. Но, черт возьми, ты запускаешь игру, а потом сам тормозишь, делаешь шаг назад. В чем тогда смысл?

– Потому что нам нужно найти другой способ, – ответил твердо Роман.

– Ты просто испугался, – голос Дэна стал жестче, – признайся!

Видимо, кто-то прошел мимо, потому что они замолчали. Или я себя выдала?

– Ром, привет! Приве-е-ет! – Несколько звонких женских голосков. – Как дела-а-а? – И сухо: – Ой, привет, Дэнчик.

Ну конечно, эти парнокопытные. Неужели они сами не слышат, насколько фальшиво звучат и выглядят? Того и гляди помрут от счастья, что могут поздороваться с самим «мистером Красавчиком» и его свитой.

– Привет, – бросил Гай.

– Привет, куколки-и-и! – пропел Дэн.

– Вечером все в силе?

– Естественно!

Цоканье каблуков отдалилось.

– Так ты у нас теперь Дэнчик? – спросил Роман.

– Для такой милашки я готов быть кем угодно, – мечтательно произнес его друг.

– Да таких даже уговаривать не надо! Один раз ей улыбнешься, сделаешь комплимент ее глазам-ногам-буферам, чему угодно – и готово. Даже выпивка не понадобится.

– Ну ты у нас знаток, чего уж!

Я осторожно придвинулась. Отлично! Почти все видно. Гай стоял спиной ко мне, Дэн слева от него. Оба смотрели вслед размалеванному стаду на каблуках.

– Вернемся к делу, – предложил Дэн, неохотно оторвавшись от занимательного зрелища.

– Какое дело?! Ты опять за свое?

Боже, какой же он высокий! Я по сравнению с ним просто кнопка.

– У нас был уговор: если ты не решишься, я забираю твою тачку. Знаешь, почему я спорил? Потому что знал, что у тебя кишка тонка провернуть такое!

Роман наклонился к Дэну и сказал едва слышно:

– Я просто хотел все как следует продумать. То, как мы спланировали сначала, глупо и опасно, понимаешь? Я не достигну цели, ради которой все замутил. Мне нужно, чтобы… – Он что-то прошептал на ухо приятелю и отошел.

Вот ведь, а! И не надо мне говорить, что подслушивать нехорошо. Как будто я не знаю! Это же не любопытство. Просто… Да, черт подери, это любопытство, да! Иначе почему я хочу подобраться к Гаю поближе и взглянуть на него еще раз? Пока он не видит. Услышать этот голос…

– Слушай, Романыч, я давал тебе шанс, – голос Дэна прозвучал насмешливо.

– Шанс? Братан, да я прыгнул с тарзанки, чтобы ты от меня отстал, а потом еще и прикатил в альма-матер без крыши в дождь! Вымок весь! Что еще тебе нужно? Отстань уже. Поприкалывались, и хватит. Когда я спорил на тачку, думал, что мы с тобой просто шутим.

– Какие шутки? – Дэн нахмурился. – Я был вполне серьезен. Или ты не мужик?

Гай выругался. Да так, что у меня щеки вспыхнули.

– Давай так, – он прочистил горло, – я даю тебе ключи, ты катаешься сколько влезет, а потом возвращаешь.

– Не пойдет, – уперся Дэн, – я хочу эту симпатичную машинку навсегда. Ты сам говорил, что твоему бате по барабану, куда ты тратишь деньги и что делаешь со своими вещами, так?

– Так.

– Вот и все. Гони ключи!

– Ты серьезно?

– Тебе жалко для друга?

– Это тачка, чувак! – чуть не задохнулся Гай. – Знаешь, сколько за нее отвалил мой отец?

– Но ты на нее спорил.

– Я не думал…

– Нет уж, – перебил Дэн, – назад дороги нет.

– Дай мне еще один шанс. Последний!

Я даже вцепилась пальцами в чужие куртки, чтобы не упасть. Роман повысил голос:

– Еще одна попытка. Любое условие. Не выполню – забираешь тачку.

– А если это будет что-то по-настоящему безумное?

Гай пожал плечами:

– Безумнее, чем прыжок с тарзанки? Вряд ли.

Глаза Дэна оживились. С трудом скрывая улыбку, он провел взглядом по холлу и шумно втянул в себя воздух:

– Можешь сразу сдаваться, потому что ты проиграешь.

– Не в этот раз! – уверенно возразил Гай.

По лицу Дэна нельзя было догадаться, о чем он думает. Только пляшущие в глазах чертики говорили, что в голову ему пришло что-то дьявольски оригинальное.

– Отлично, – коротко сказал он.

– Условия? – Гай выпрямился и потер ладони друг о друга.

Денис смотрел на друга выжидающе, словно прикидывал, справится ли тот с испытанием.

– Все просто, – сказал он наконец, когда мимо проплыла стайка первокурсниц, – тебе нужно будет соблазнить и бросить пять девушек. Не просто завалить в постель, это уж на твое усмотрение, а сделать так, чтобы каждая из них стала твоей официальной девушкой. Цветы, улыбки, прогулки за ручку. Понимаешь? Чтобы весь универ был в курсе.

Мне стало не по себе.

– Легче легкого! – самоуверенно бросил Роман после пары секунд раздумий.

– Это не все!

– Что-то еще? – Гай провел ладонью по влажным волосам.

– Да! – Дэн хитро улыбнулся. – Все они должны быть с нашего потока, из любой группы – сокурсницы.

– Хорошо…

– Срок месяц.

– Ладно.

– А теперь самый важный пункт: каждая предыдущая твоя пассия должна застукать тебя со следующей.

Я вздрогнула.

– Чего? – ошалело переспросил Гай.

– Именно так! – Дэн залился хохотом и хлопнул его по плечу. – Ты же хотел шанс? Вот он. Все просто, к тому же девочки – это по твоей части.

– Всего месяц?

– Да, – с довольным видом кивнул брюнет, – или боишься, что тебе не по плечу?

Гай мотнул головой:

– Хорошо. Я согласен.

– И еще, – теперь Дэн выглядел совершенно серьезным, – жертв выберу я. Сам.

– Это еще почему?

– Потому! – засмеялся парень. – Хочешь облегчить себе задачу, набрав красивых и тупых куриц? Не-е-ет! Так не пойдет.

– Знаю я тебя, – напрягся Роман, – выберешь мне каких-нибудь динозавров!

– Нет, обещаю, друг! Выберу на свой вкус. Хорошеньких. Вот честно.

Они смотрели друг на друга, и вдруг прозвенел звонок. Роман решительно протянул руку:

– Идет. – И тяжело вздохнул.

Безумный договор был скреплен крепким рукопожатием. Дэн весь светился.

– Последний шанс, – напомнил он, отпуская ладонь Гая, – не забывай!

Тот отошел от решетки и покачал головой:

– По крайней мере, это будет весело.

Убедившись, что они уходят, я засуетилась. Второй звонок! Нельзя опаздывать! Я начала выбираться. Как назло, уткнулась в мохнатый воротник чьей-то куртки и… а-а-ап-чхи!

В последнюю секунду я подставила раскрытые ладони и чихнула в них. Поняв, что в очередной раз облажалась, я быстро отбежала в угол и спряталась в висящую там одежду, было страшно, что меня застукают!

– Кто там? – остановился Гай.

– Да это гардеробщица, – ответил Дэн. – Идем! – Он засмеялся и крикнул: – Будь здорова, бабуся!

Но Гай, кажется, не двигался.

– Ром! – позвал его друг.

Даже не верится: у такого злюки, у гада и соблазнителя, у мерзкого спорщика, который готов ради смеха играть жизнями людей и соблазнять глупых девиц пачками, было такое красивое и нежное имя: Рома. Роман. Ромка. Такое ласковое, что хотелось смаковать, повторяя снова и снова.

– Идем, – согласился Гай, и их шаги потонули в общем шуме.

Я выдохнула. Выбралась из укрытия, схватила сумку и бросилась к стойке, где орудовала милая бабулька-гардеробщица.

– Спасибо вам большое, пойду. – Я улыбнулась ей и попыталась укротить свою непокорную гриву.

– Уже? – Старушка повесила на крючок длинную парку и отдала номерок рыжеволосому мальчишке. – Ну беги, коль невтерпеж.

Подошла, открыла дверцу.

– Спасибо вам еще раз, – я вышла и обернулась: – Как вас зовут?

– Таисия Олеговна, – улыбаясь, ответила она.

– А я Настя. Очень приятно.

– Мне тоже. – Морщинки на ее лице разгладились. – Ты заходи, если что-то еще будет нужно.

Я запахнула поплотнее кофту, развернулась и почти побежала к лестнице.

Но успела сделать лишь несколько шагов, как дорогу мне преградил странный парень: черные рваные джинсы, серая кофта, из-под которой выглядывала футболка с надписью «Music is magic», белые конверсы и улыбка от уха до уха. Его каштановые волосы были уложены по принципу «только что с подушки, обойдусь без расчески», а глаза – сонные и немного припухшие.

– Привет, – сказал он, пока я разглядывала золотистое колечко в его носу, – значит, ты Настя?

– Эм-м… Я? – Я растерялась. Оглянулась по сторонам, напряженно наблюдая, как последние студенты покидают вестибюль, спеша на занятия. – В общем, да, Настя.

– Отлично! – Незнакомец достал руку из кармана и протянул ко мне. – Давай!

– Что давать? – опешила я.

– Ну, ты ведь Настя? – едва слышно спросил он, многозначительно двигая бровями.

– Настя, Настя, – шепнула в ответ и попятилась.

Парень воровато огляделся по сторонам, сделал шаг и наклонился ко мне:

– Твой человек сказал моему человеку, что утром в вестибюле ты передашь мне товар. – Он ткнул себя в грудь. – Вот, я здесь. Давай!

4

– Ой, вы, наверное, ошиблись… – пробормотала я, оглядываясь в поисках кого-то, кто мог бы мне помочь. Бабусечка, как назло, уже скрылась где-то между вешалками, а мне стыдно было выдавать перед незнакомцем свой страх. – Ваши обычно за универом собираются, в подворотне, где тополя растут.

Парень вопросительно склонил голову. Нахмурился.

– Наши? Какие наши?

– Ну… – Улыбаясь, я сделала шаг назад. – Те, что продают «товар». – Я интонацией выделила секретное слово. – Вы же сами спросили. Я и отвечаю. Не то чтобы я была в курсе ваших дел, вы не подумайте. Просто обычно хожу с занятий той дорогой. Кажется, там вы можете встретить и тех, кто продает то, что вам нужно, и тех, кто употребляет его. – Почему слова в предложения перестали складываться? – Об остальном я даже знать не хочу. Все, мне пора!

Обошла его и устремилась к лестнице, когда незнакомец снова обогнал меня и преградил дорогу:

– Стой! – Он вытянул передо мной ладони. – Стой! Ты неправильно все поняла! Ты – та, кто мне нужен. Настя. Мы договаривались, что я заберу у тебя…

– Товар, да, я поняла. – Жестом я показала ему, чтобы не смел касаться меня своими лапищами, а то ему же будет хуже. – Просто вы что-то напутали. Да, я сегодня растрепана и помята, да, выгляжу не самым лучшим образом, но, уверяю, я не та, кто вам нужен.

– Ты – Настя? – Парень непонимающе тряхнул головой.

Господи, да каким еще ему языком объяснить?!

– Да! – Сил сдерживаться у меня не осталось, поэтому я повысила голос: – Но твои ширяются там, за углом, иди и донимай их, а меня оставь в покое!

– Мои кто?

– Неформалы! Не знаю, чем они там занимаются, сидя на теплотрассе в рядочек, что курят и почему потом громко смеются. Не мое это дело. Мне нужно идти, извините!

И в это мгновение он крепко ухватил меня за запястье:

– Ты ведь Настя?

Заладил!

– Отпусти.

– Я – Паша! Ты должна была передать мне курсовую утром у раздевалки!

Я уставилась на парня снизу вверх. По спине покатилась капелька ледяного пота. Мне даже в голову не приходило, что этот чудак с кольцом в носу и есть Суриков П.Г., чья фамилия была указана на титульном листе работы.

– Тихо! – Оглядываясь по сторонам, я сжала губы.

– К чему такая конспирация? – Парень пристально посмотрел на меня.

– Да тише ты! – попросила я.

Не знала, как объяснить ему, что помогать людям, да еще и за деньги, было для меня делом почти криминальным. Целый год я даже списывать никому не давала, ратуя за справедливость и нормы учебной этики, а тут вдруг решила подзаработать на этом.

Схватила его за локоть и отвела к стене.

– Да все вокруг этим занимаются, – не унимался он, – не понимаю, почему нужно играть в шпионов? Некоторые объявления открыто дают.

– А мне нет дела до некоторых. У меня свои методы работы. Я предпочитаю не раскрывать окружающим сведений о том, чем занимаюсь в свободное время. Между прочим, мы договаривались о строгой конфиденциальности нашего сотруднич…

– Вот теперь я точно понял, что ты – именно та Настя, которая мне нужна! – Паша закатил глаза. – И это замечательно, потому что я тороплюсь. Если не сдам сегодня-завтра хвосты, меня отчислят. Давай сюда курсовую.

Он протянул руку.

– А вот тут вышла накладочка, – вынуждена была признаться я. – Дело в том, что я всю ночь просидела за твоей работой, утром распечатала, побежала в универ и в самый неподходящий момент споткнулась, курсовая упала в лужу, я за ней. Ну, и…

Услышанное, видимо, привело парня в ужас, потому что он вытаращился на меня, открыв рот. Захотелось даже дернуть его за колечко в носу, чтобы привести скорей в чувство.

– Но ты не переживай, – спохватилась я, – курсовая осталась на компьютере моего дяди. После занятий распечатаю заново и принесу куда скажешь.

– Ты это только что сочинила? – Паша почесал затылок.

Мимо прошли, с любопытством глядя на нас, несколько девочек-одногруппниц. Я дождалась, когда они поднимутся по лестнице, и прошептала:

– Нет, клянусь!

Это было странно, но он разразился смехом, судорожно втягивая в себя воздух, и я испугалась, не понимая, то ли ему медицинская помощь требуется, искусственное дыхание там всякое, то ли пора психиатра вызывать.

– Ты чего?

Паша вздохнул.

– Все! Ничего, прости. – Он вытер выступившие от смеха слезы. – А сейчас нельзя съездить к дяде? Я обещал заведующему кафедрой, что сегодня закрою все долги. Мне давали отсрочку.

– Нет, – я яростно замотала головой, – у меня же учеба.

– И что? – В его взгляде читалось искреннее удивление.

– Нет! Не могу! Нет! – запричитала я.

Я и так уже опаздывала, что противоречило моему первому внутреннему правилу. А не пойти совсем – значит нарушить второе, строжайшее из всех правил: никогда не пропускать занятия.

– Странные вы, зубрилкины, – обиженно сказал парень.

– А вы все одинаковые – те, кому я курсовые делаю. Как стрекоза из басни Крылова: в последний момент спохватываетесь, что веселье закончилось и что пора уже и шевелиться. И работа всегда вам нужна «побыстрее да вчера»!

– Ты, вообще-то, меня только что опрокинула – не выполнила в срок заказ, за который бралась, зная условия, – напомнил Паша, – а еще стоишь и меня тут отчитываешь. Вот зануда!

От возмущения я ткнула себе пальцем в переносицу – так я с грозным видом поправляю очки, но сейчас их на месте не оказалось, что парня очень повеселило. Он снова улыбнулся, но теперь уже добродушно.

– Простите, – смутилась я, – то есть прости. Сама виновата, а на тебя наехала. Если вопрос стоит ребром, отпрошусь, и мы вместе съездим и распечатаем твою курсовую еще.

Ведь мне очень нужны эти деньги. Просто позарез.

– Ладно, Настя, – отмахнулся он, – иди-ка ты на свою учебу. Придумаю я что-нибудь, не в первый же раз. В крайнем случае твою историю расскажу. Про необыкновенные приключения в луже.

– А как же работа?

Паша шмыгнул носом, и пирсинг забавно колыхнулся.

– Скажу, что завтра сдам.

«Но деньги-то мне нужны сегодня!» – мелькнула тревожная мысль.

– Я тебе ее сегодня принесу, хорошо? Только скажи куда.

– Запиши мой телефон, – согласился он.

Когда я записывала в свой старенький телефончик его номер, подбежала Оля Еремеева, моя подруга и соседка по общежитию.

– Привет! Ой, смотрю, вы с Пашей уже познакомились. Все нормально? Передала ему работу?

Мы с парнем переглянулись.

Как раз Ольга и находила мне заказчиков с тех пор, как я взялась за это грязное дело. Она была связующим звеном между теми, кто полностью отдавал себя учебе, и теми, кто ходил в универ тусоваться с приятелями и хвастаться нарядами.

– До связи! – махнула я Паше и потащила подругу прочь.

– Ты куда? – Она остановила меня рывком. – Все идут в трехсотую.

– Это еще зачем? Мы в другой аудитории, – удивилась я.

– Лекции по техмашу пока будут совмещенными! – Олька сверкнула глазами. – Все группы потока будут слушать лекции вместе в той огромной аудитории.

Вид у подружки всегда был довольный, словно ее пьянила сама жизнь. И сам факт того, что мы существуем, а вокруг нас происходят всякие поразительные вещи, тоже будто заставлял ее без конца улыбаться. И тут не было ничего странного, ведь это не она плавала в луже задницей чуть ли не перед всем универом. С чего ей было грустить?

– Зачем вообще экономистам техмаш, вот скажи?

– Это же политех, детка! – рассмеялась она. – Лучше скажи, почему ты сегодня без очков?

– Да так…

– Я давно тебе говорила, что они старомодные. Прям костыли какие-то, а не очки. Бабкино наследство!

Вот тут я расстроилась. А если профессор будет нам что-то показывать или писать на доске, а мне не будет видно?

– Идем скорей, – потянула я подругу, – нужно занять места поближе.

Мы влетели в аудиторию, что называется, на всех пара́х. Профессор еще не пришел, но почти все места уже были заняты. Я скользнула взглядом по первым рядам и увидела машущую нам Маринку Савину.

– Идем! – Оля тоже ее заметила и потащила меня за собой.

Как только я вошла, послышались шепотки и сдавленные смешки.

– Чего это наши коровы замычали вдруг? – возмутилась Олька.

И мне пришлось все рассказать. И как всю ночь не спала, и как спросонья распечатывала курсовую, и как бежала с ней под дождем, и как позорно пала к ногам местного сердцееда под улюлюканье толпы.

Не каждому хочется делиться историями неудач, но эти девчонки за прошедший год стали мне очень близки. С Олей мы жили вместе в общежитии, а Марина была местной и с удовольствием знакомила нас со своим городом, устраивая веселые экскурсии и показывая красивые места.

Нам никогда не было скучно втроем. Мы собирались вместе в общаге по вечерам и готовились к экзаменам, придумали удобную систему: писали вопросы на бумажках, вытаскивали их, минут десять готовились, а потом отвечали по очереди. Эти занятия сопровождались душевными чаепитиями – м-м-м, двойное удовольствие!

Возможно, своим сокурсникам мы и казались скучными и занудными. Но у нас был свой мирок, нам не нужно было доказывать свое право на то, чтобы жить как хочется. Каждая из нас давно решила, что тратить время на ерунду вроде мальчишек, нарядов и клубов нецелесообразно, и мы выжимали из нашего обучения максимум, чтобы иметь возможность потом найти достойную работу и осуществить свои мечты.

Мы, конечно, слышали, что за глаза нас называют ботаничками, заучками, зубрилками и очкариусами. И так приятно было отшивать того, кто минуту назад смеялся над тобой, а потом приходил и подлизывался, чтобы помогли по учебе.

Да, мы представляли собой три разновидности «ботаноида обыкновенного», но ничуть этого не стеснялись.

Я всегда хотела учиться. Девочка из маленькой деревеньки, не имеющая никаких связей, я понимала, что мне нужен этот диплом, чтобы устроиться в жизни, поэтому зубрила, зубрила и еще раз зубрила. Днями и ночами, иногда даже когда ела. Перечитывала одно и то же, чтобы отложить в памяти навсегда.

А вот Ольке все давалось легко. Она с ходу запоминала теорию и, едва глянув в учебник, могла воспроизвести любую формулу. Однажды услышав что-то на лекции, подруга будто записывала информацию на свой внутренний магнитофон, а сдав зачет, удаляла за ненадобностью – попросту забывала. А что? Если нужно будет, прочтет и снова запомнит.

Мариночка – настоящий гений. Из тех, что корпят над книгами не потому, что стремятся пополнить багаж знаний университетской программой, а потому, что ни секунды не способны прожить без новой информации, которая может стать для них базой для новых, возможно, даже великих открытий. Она сама готова была научить преподавателя тому предмету, по которому он читал лекции, и с трудом сдерживалась, чтобы не поправлять оратора.

Такие разные, мы все-таки были вместе. Дружили. Конечно, как и других девочек нашего возраста, нас интересовали мода и красота, но мы уделяли подобным вещам гораздо меньше времени и внимания.

Ладно я, вечно рассеянная и непутевая, могла выйти из общаги в тапках и даже не заметить этого, а вот Маринка всерьез однажды проанализировала такое понятие, как мода, и привела кучу доказательств, почему классика бессмертна. А Ольга была почти нормальным человеком, успевавшим все: и учебой заниматься, и выглядеть отлично, и умело сочетать в гардеробе неброские, но практичные вещи.

– И эти одноклеточные тебя обзывали Страшилой? – возмутилась она, оглядываясь с грозным видом назад.

– Представь себе!

У Еремеевой чуть пар из ноздрей не повалил.

– Не слушай их! Даже не думай! Ты красавица, а они просто тебе завидуют!

– Ага, – вздохнула я.

– Да, – вступила Марина, поправляя очки, – особенно тому, что тебе не приходится вертеть задом перед преподавателями, пытаясь сдать зачеты.

– Это все из-за того, как я выгляжу, – сказала я, кутаясь в кофту, – Гай тоже на меня так смотрел, смотрел… брезгливо!

– Чем больше претензий к внешности других, тем больше недовольств собственной жизнью. – Маринка разложила ручки и карандаши на столе в особом, ведомом ей одной порядке. – Уж поверь мне!

– А я слышала, что раньше Гай учился хорошо, – прошептала Ольга, – не знаю, что потом стряслось.

– Да? – Я не смогла скрыть своего интереса. – Откуда ты это знаешь?

– Знаю! – Ольга повернулась к Марине: – Скажи, Марин, ты же с ними учишься!

– С кем? – презрительно спросила она. – С этими павианами? Да! И я радуюсь каждый раз, когда они прогуливают пары. Без них лучше.

– Если бы Настька встречалась с таким, как этот Рома, – мечтательно вздохнула Оля, – она быстро стала бы очень популярной девочкой.

– Только не это, фу! – Я опустила глаза, делая вид, что ищу что-то в сумке.

– Ну… – Оля усмехнулась. – Он же такой… Неужели не нравится?

– Нет!

– Кто? – не выдержала Марина. И поняв, что сказала это чересчур громко, тут же понизила голос до шепота: – Он просто туповатый мажор. Вот и все!

– М-м-м… – словно издевалась над ней Олька, – мачо с железным прессом…

Маринка выдохнула так, что очки запотели:

– Бесцеремонный павлин!

Я отклонилась назад, чтобы им удобнее было спорить.

– Нет, он сексуальный. – Оля сдунула прядь темных волос, упавших на лоб. – Повезло Насте прямо перед ним в лужу плюхнуться.

– Чего?! – взвилась я. – Всю жизнь об этом мечтала!

– Да, так и представляю, как этот лапочка протянул тебе руку. – Олькины глаза зажглись озорными огоньками.

– Лапочка? – хмыкнула Марина.

Я достала тетрадь и ручки. Студенты продолжали прибывать, шумя, смеясь и топая. А вот преподаватель являться не спешил.

– Да, – кивнула Оля и закатила глаза, – лапочка. Так бы и съела!

Маринка брезгливо поморщилась и уткнулась в учебник:

– Даже спорить не буду. Фу!

– Да злюка он, самая настоящая! – Я сжала губы. – Как тебе может нравиться парень, который… который… надо мной насмехался!

– Он ведь тебе руку подал, – не сдавалась Оля.

– Ну и что? А потом смеялся. И вообще, – я закрыла лицо руками, – он идиот. – В памяти всплыл разговор Гая и Дэна. – Очень жестокий идиот!

– О чем это ты?

– Он легко играет с чувствами людей, презирает девушек. Не знаю, кем надо быть, чтобы так себя вести.

– Все равно он красавчик, – упорствовала Олька.

– А вот Лида считает, что она его девушка. – Марина кинула взгляд на компанию на камчатке.

– Да? Она так сказала? – заинтересовалась Оля. – Я думала, Гая интересуют только одноразовые девочки.

– Лиду это не волнует, – покачала головой Марина, – она предпочитает не замечать, что у него постоянно есть кто-то еще.

– Ну и дура!

– О ком это вы? – раздался голос сзади.

Мы вскрикнули от неожиданности. Широко улыбаясь, на нас смотрел Женя Исаев, еще один местный ботаноид, худой и в очках. Он устроился во втором ряду, прямо за нашими спинами со своим приятелем – полноватым и неуклюжим Антоном Майкиным. Тот приветственно махнул нам рукой.

– Здравствуйте, – строго, прямо по-учительски проговорила Марина.

– Да ни о ком, – поспешила свернуть разговор Оля. – Привет!

– Ты сегодня… странная, – пробормотал Женя, разглядывая меня. – Привет, Настя!

– Привет, Жень! Привет, Антон! – Я опустила взгляд. – Просто не выспалась…

Олька больно ткнула меня локтем. Я подняла глаза, ожидая увидеть на пороге профессора, но в дверях стоял Гай вместе со своим другом. Я моментально залилась краской.

5

Роман

Пять девушек за тридцать дней. Хм, не так уж и сложно. Пожалуй, я и за день справился бы, если бы не дурацкое дополнение Дениса к правилам пари: «Каждая предыдущая должна застать тебя со следующей». Смех! Он реально думает, что я стану играть в эту Санта-Барбару? Обойдется. Все будет зависеть от того, кого из девушек он выберет: некоторых, возможно, у меня получится подкупить, с кем-то договориться, а остальных – просто уболтаю.

Девчонок развести проще простого. Они верят в принцев и любовь до гроба, поэтому каждый новый парень кажется им «тем самым, единственным». Главное, говорить им только то, что они хотят услышать: какие они красивые, умные и, что гораздо важнее, особенные. Средство, работающее в любом случае.

Пожалуй, я мог бы написать книгу «Тридцать три тупых подката, которые работают ВСЕГДА». Но мне это неинтересно, честно.

– Мне понравилось. Давай видеться с тобой иногда? – предложил я вчера Лиде.

– Видеться? – она непонимающе захлопала ресницами.

– Да, я хотел бы видеться с тобой. Иногда. С радостью. – Я нежно провел ладонью по ее спине.

– Ты хотел сказать «встречаться»? – Ей даже этот вопрос давался нелегко, потому что она знала, что услышит в ответ.

Я небрежно поцеловал ее в висок и отстранился:

– Нет, видеться иногда. Речь ведь идет о радости.

Помню, как улыбка в этот момент сползла с ее лица, но правила игры Лида все же приняла – не могла не принять, ведь понимала, что выхода у нее нет. С такими, как я, по-другому не бывает. Никогда. Либо ты принимаешь правила игры, либо не играешь вовсе.

Мы с Дэном шли по коридору, и встречные девушки нам улыбались. Не просто растягивали губы и сверкали глазами – буквально заглядывали нам в рот. Это первая ошибка – расплываться от счастья при виде мужчины. Этим самым они себя предлагают. Сами назначают себе цену, которая, как правило, невысока: пара комплиментов, кружок по городу на хорошей тачке, редко – букет или ужин в ресторане.

Те, что строят из себя недотрог или неприступных светских львиц, обычно поинтереснее – не такая легкая добыча. Но это тоже ненадолго, потому что оборона их, как правило, оказывается не такой уж и прочной. Стоит включить хотя бы наполовину мощности обаяние – и они с радостью сдаются.

Потому что они все фальшивые. Они, да и все вокруг. Только и делают, что притворяются. Врут, лгут, предают. Все люди. Кто-то просто делает это лучше, кто-то хуже. Но врут все! Мир на этом построен – на фальши. Создать видимость успешности в соцсетях, натянуть маску беззаботности, клясться в бесконечной любви тому, кто рядом, чтобы потом по-скотски изменять ему с тем, кто лучше, богаче или просто моложе. В этом мире нет ничего настоящего. И, значит, можно не рвать себе задницу, а просто быть таким же, как все.

– Привет, помнишь меня? – какая-то брюнетка с внушительным бюстом, в чересчур тесных для нее джинсах махнула мне рукой, зардевшись от смущения.

– Нет, – ответил я сухо и пошел дальше, не останавливаясь.

Ни к чему мне было ее помнить. Конечно, лицо ее казалось смутно знакомым – может, угощал ее на какой-то вечеринке спиртным, может, пару раз даже потискал, не знаю. Но желания освежить память у меня не возникло.

– Жестко ты с ней, – хмыкнул Денис.

– С кем? – усмехнулся я.

И друг засмеялся.

Мне захотелось сделать больно кому-нибудь еще. А лучше себе. И желательно так больно, чтобы было почти нестерпимо, потому что сегодня – тот самый день.

– Ну что? Сегодня все в силе? – спросил я, остановившись перед дверями аудитории.

– Вечеринка у тебя? – друг перешел на шепот.

Три девицы из параллельной группы обогнали нас и вошли в аудиторию, не забыв кокетливо рассмеяться.

– Нет, – я покачал головой, наблюдая, как он провожает их взглядом, – вечеринка будет – это и так ясно. Мне нужно, чтобы ты притащил на нее того чувака. Помнишь, о ком я?

– Леманна? – спросил тихо Дэн.

– Да.

Денис подошел ближе:

– Так ты решил вернуться к первоначальному плану?

Я улыбнулся:

– Мы просто немного смягчим его, но суть останется та же.

Денис потер щеку с пробивающейся на ней щетиной. Опустил взгляд в пол, затем поднял на меня:

– Слушай, он же говорил, что не занимается больше этой фигней.

Для меня любой отказ – как вызов.

– Значит, нам просто нужны рычаги воздействия.

Друг задумчиво пожал плечами.

Мы встали в проходе, загородив вход. Я еле сдержал зевок – пара часов сна мне бы точно не помешала. Не чертов бы спор с этим дождем и тачкой, ни за что ни поперся бы в универ в такую рань.

Аудитория галдела. Бесчисленное, как показалось, количество рядов было заполнено студентами. Их здесь было не меньше ста точно. И кто только придумал читать лекции для целой сотни бездельников, половина из которых будет спать, а другая половина залипать в гаджетах?

Я окинул взглядом присутствующих, и у меня неприятно запульсировало в висках. Там, где я мог бы отоспаться, на последних рядах, уже не было свободных мест: ребята сидели плотно, точно воробьи на проводах. И шум стоял похожий – то ли чириканье, то ли звонкий галдеж.

– Ты готов? – Денис толкнул меня легонько в плечо.

– К чему? – безразлично буркнул я, высматривая местечко.

– Сейчас мой зоркий глаз подберет для тебя достойных кандидаток.

Я вздохнул.

– Так-с, посмотрим, – пробормотал он.

А меня уже начинало раздражать, что на нас все поглядывают.

– Номер один! – В его голосе зазвучал азарт. – Глянь-ка вон туда!

Он мотнул головой. Я проследил за его взглядом.

– Кто? Рогова? – Я уставился на девушку, сидящую с краю и со скучающим видом пялящуюся в окно. – Ты издеваешься?!

Размалеванная блондинка с сожженными перекисью волосами и не совсем тяжелым поведением. Да с ней только ленивый не путался за последний год. Меня как-то бог уберег, знаете ли.

– А что? Видная дама, – с трудом удержался от смешка Денис.

– Ни за что! Я к ней и пальцем не притронусь.

Ощутимый толчок прилетел мне в спину:

– Слушай, ты же принял правила игры, так?

– Так, – я поморщился, – но, Дэн, это же Рогова…

– Что с ней не так?

– Ну… – меня едва не передернуло, – поцеловать ее, это как у всех парней на районе… ну, ты понимаешь. – Девушка повернулась, и я поспешил перевести взгляд на друга. – Про нее слухи всякие ходят.

– Слухам нельзя доверять, – с серьезным видом сказал Денис, – слухи надо проверять. Вот ты и проверишь!

Стиснул меня в объятиях и хлопнул по спине.

– Номер два. – Он развернул меня в другую сторону. Шепнул на ухо: – Не знаю, как ее зовут, но выглядит она вполне мило. Глянь!

– Которая?

– Белая водолазка, смешные бусики, крепкие плечи, каменная попа.

– Иди ты знаешь куда? – оттолкнул я его от себя.

– На кону тачка, Гай, – напомнил Денис.

И я еще раз в ужасе глянул на будущий «предмет страсти». Конечно, я знал ее, эту девушку. Точнее, не знал лично, но много раз видел раньше в универе в компании таких же, как она. Подобную мадам трудно не заметить: необъятная задница вкупе с массивными квадрами – это смотрелось странно, так, будто она была мужиком. Нормальным таким мужиком, накачанным.

– И что она сделает со мной, когда застанет в обществе Роговой? Как мне отбиваться? – я нервно сглотнул, скользя взглядом по мощной фигуре загорелой брюнетки. – Она вообще женщина? А то я женщин не бью.

– Вот и узнаешь, – хохотнул Денис. – Номер три. – Прочертил носом траекторию в противоположную сторону: – Киселева Катя.

– Иди ты в баню! – Я чуть не сорвался с места. Вытаращился на предлагаемый объект, роняя челюсть на пол.

– А что? Хорошенькая. Грудь большая, талия тонкая.

– Да она лысая!

Я поежился, оглядывая бритоголовую Катю с массивными серьгами-тоннелями, свисающими чуть не до плеч. Это даже не тоннели, это целые штольни, чтоб их! Сквозь них руку можно просунуть при желании.

Девушка, заметив мой интерес, кокетливо провела пальцами по лысой, как коленка, голове. Улыбнулась и зазывно закусила губу.

– Господь Всемогущий… – Я повернулся к другу: – Ты серьезно? Это же… смесь юного призывника и зэка.

– Крепись, Ром, – он положил ладонь мне на плечо, – я не обещал, что твоя участь будет легкой.

Моей репутации конец!

Резким движением я сбросил его руку:

– Я не готов к таким подвигам!

– Тач-ка-а-а…

Я шумно выдохнул:

– Ладно! Дальше! Называй! Но если это будет какой-то мужеподобный обезьян, то я тебе втащу прямо здесь и сейчас.

– Нет, – Дэн кивнул куда-то на последние ряды, – просто милашка. Света Зайцева.

Я напряженно стиснул зубы.

Да уж. Девчонка была неплоха собой, но мозг могла выпилить секунд за пять, причем конкретно.

Местная Барби и продвинутая блогерша. Пару раз натыкался на ее аккаунт в сети, у меня аж глаз дергался. Один раз она рассказывала, как самостоятельно колоть ботокс во все возможные места, тут же с удовольствием демонстрируя на себе. В другой раз я стал случайным свидетелем ее душещипательного ролика: «Так мало лайков, и-у-у. Вы сохраняете, но не комментите! Нет обратной связи, не буду больше писать и снимать! Все – я ухожу!» Ага! Чтобы через полчаса триумфально вернуться со словами: «Ладно, вы меня уговорили, чмоки всем, мои кисы!»

Лютый ад.

– Молодые люди, рассаживаемся! – Седой профессор протиснулся между нами, вошел в аудиторию и направился к своему столу.

– Номер пять, быстро! – попросил я Дениса.

– Вот эта. – Его взгляд был направлен на первый ряд, куда я не смотрел до этого. – Ботаничка, кудрявая, как пудель. Надеюсь, самый сложный вариант. По крайней мере, я бы на нее поставил.

Покосившись в указанную сторону, заметил мягкие вьющиеся светлые волосы, похожие на взрыв одуванчика. Это она – та сумасшедшая ниндзя, которая подкралась незаметно и, перелетев через дверцу моей машины, растянулась прямо на асфальте.

Еще вчера я бы не отличил ее ни от одной из ее роботоподобных подруг: вечно замороженных каких-то, серых, зажатых, чешущих с умным видом по коридорам универа и одетых в бабушкины тряпки. Но сегодня…

Сегодня я видел ее близко. Глаза цвета океана, уснувшего, затаившегося, готового в любую секунду ожить, чтобы поглотить волнами и огромные встреченные корабли, и добрую часть ни в чем не повинной суши. Серо-голубые, с вкраплениями зеленого. Удивительные! Большие, ясные, немного наивные и печальные.

Ее глаза впились в мое лицо, и на мгновение мне даже показалось, будто они сумели пробить ту бетонную стену недоверия, которую я упорно воздвигал последние месяцы. Пришлось даже мысленно напомнить о данных год назад самому себе обещаниях, восстановить порушенное равновесие и быстро закрыться обратно – ото всех.

В том числе от нее, неуклюжей и странноватой заучки с копной светлых кудряшек. Мысленно я не раз возвращался к моменту, когда протянул ей руку, а она не сразу, но решилась принять помощь. И о том, как лицо после этого накрыло легкой волной исходившего от нее аромата спелых слив и терпкой вишни. Интересно, это был гель для душа или шампунь?

Мы встретились взглядами, и девчонка нахмурилась. Улыбка моментально сползла с ее лица, а губы застыли в напряжении.

– Хорошо, – сухо ответил я другу и решительно сделал шаг внутрь аудитории. – Пять за месяц. Что может быть проще?

Отыскал глазами свободное места и поспешил сесть.

6

Настя

Увы, к такому я все же оказалась не готова: сердце сбивается с ритма, то ускоряя, то замедляя свой стук, мне трудно дышать.

– Насть, дай ручку, – вдруг прошептал Женя, заставив вздрогнуть.

Лекция уже шла полным ходом, все что-то записывали, а мне все никак не удавалось прийти в себя. Не оглядываясь, передала единственную ручку парню.

Опустила взгляд на чистый лист тетради и тихонько вздохнула. Впервые за все время учебы я нарушала свое правило: записывать слово в слово за лектором или хотя бы предельно внимательно слушать. Не делала сейчас ни того, ни другого. Да еще и ручку отдала.

Марина отвлеклась от конспектирования, чтобы достать из пенала (да-да, у нее был пенал) ручку и передать мне. С ее стороны это была настоящая жертва, ибо такого порядка и строгого учета, которые царили в ее вещах, не было, наверное, даже на секретных госпредприятиях.

– Спасибо, – пробормотала я и снова уставилась на чистый лист. Я не понимала, что говорит профессор, даже не пыталась записывать. Ничего не слышала. Снова и снова вспоминала ту дозу смертельного тока, которая прокатилась по моему телу, стоило только другу Гая указать на меня небрежным движением.

Он что-то говорил в этот момент, довольно ухмыляясь, а мои ладони потели, колени тряслись, мысли метались из стороны в сторону, а дыхание перехватывало от дикого страха и от осознания того, что этот парень только что выбрал меня одной из жертв. Иначе что могли означать его жесты? Раз – и рука метнулась вправо, два – влево, три – в другую сторону, четыре – недалеко от меня. И пять – их взгляды остановились на моем лице. Все просто: пять жертв для чудовищного спора были выбраны – легко, непринужденно и цинично.

Но мне ужасно не хотелось становиться одной из них. Одной из тех, кому станут жестоко пудрить мозги, чтобы потом использовать и выставить на посмешище.

– Чего не пишешь? – спросила Оля.

– А? – рассеянно отозвалась я.

– Ты где вообще? Эй, Ежова, прием, ответь. Ежова, у тебя проблема? – Толкнула меня плечом. – Земля вызывает Ежову.

Чувствуя, как немеют губы, сглотнула. Осторожно, очень медленно, повернула голову в том направлении, куда поднялся Гай. И чуть не потеряла сознание, потому что тут же его увидела – он сидел чуть наискосок от меня в третьем ряду, совсем близко.

Что-то дикое, пульсирующее, горячее пробежало у меня по венам и ударило румянцем в щеки. Гай смотрел прямо на меня. Глаза в глаза. И взгляд его был таким черным и туманным, словно он все еще на что-то злился. Или на кого-то. Может, на меня? Но за что? За то, что ему предстояло приударить за той, чей вид не вызывал у него ничего, кроме раздражения?

Точно обжегшись, я поспешила отвернуться. Задрожала и уставилась на преподавателя. Втянула голову в плечи и ощутила себя так, будто надо мной повисла гильотина. «Сейчас, наверное, самый трудный период в моей жизни. Мне бы просто не рассыпаться. Выдержать все, что происходит. Бороться, стараться, держаться и выживать. А я опять умудрилась влипнуть в историю. Зачем?»

Оля, кажется, спросила у меня что-то, потянула за рукав. Но меня охватило беспросветное отчаяние. Я, как в тумане, кивнула ей и обхватила себя руками. Из аудитории, казалось, исчез весь воздух, и мне хотелось исчезнуть вместе с ним.

– Значит, результаты голосования уже выложили? – спросил Антон Майкин оживленно.

– Нет! – Женя поправил очки. – Счетчик остановят сегодня в полночь, но за результатами можно наблюдать онлайн. Перевес, и притом серьезный, в пользу наказания.

– Да о чем вы? – не выдержала Оля.

Мы сидели в университетской столовке за нашим любимым угловым столиком: Марина, держа осанку балерины, флегматично ковырялась в салате, Олька доедала любимую солянку, я сражалась с отсутствием аппетита, гипнотизируя остывшее пюре, а парни, быстро опустошив тарелки, сидели с нами за компанию.

– Мы про «Черную метку», – понизив голос, Женька почти лег на стол.

– Что еще за метка? – нахмурилась подруга.

Маринка презрительно фыркнула. Ее раздражало, когда кто-то тратил драгоценное время на нечто, не относящееся к учебе.

– Ты что, не получала ссылку? – Майкин достал из кармана телефон, открыл нужную вкладку в браузере и повернул к нам экран. – Кто-то из наших забабахал вот такую штуковину. Это сайт «Черная метка». Никаких опознавательных знаков, никаких имен разработчиков или намеков на то, кто может быть организатором всей этой движухи.

– Такие вещи вычисляются на раз-два, – возразила Марина, – нужно просто шарить в программировании.

Она была привычно невыносима, поэтому никто не обратил внимания на ее реплику.

– Хм, интересненький дизайн! – Оля прикоснулась пальцем к дисплею и прокрутила страницу вниз. Черный фон, белые буквы и минимум надписей.

– Содержимое гораздо интереснее, – добавил Женька, – неужели вы не видели? Вам не приходила ссылка?

– Нет!

Он заерзал на стуле:

– Всем студентам, кто зарегистрирован на сайте университета, пришла ссылка на этот сайт.

– Что за сайт?

Антон вернул страницу в исходное положение и ткнул пальцем в заголовок.

– Это что-то вроде организации, которая… ну, не знаю… помогает восстановить справедливость, что ли. – Он указал на выделенное курсивом. – Тайные организаторы предложили присылать им анонимки – свидетельства любых бесчинств и нехороших поступков, которые творятся в универе. Любые скандальные сплетни и слухи, получившие достаточно доказательств, они публикуют.

– Но не просто так, – Женя перешел на шепот, – после того как факт чьего-то злодейства получает подтверждение, о нем сообщают на главной странице сайта и запускают голосование: наказать виновника за его проступок или простить.

– Каким образом? – заинтересовалась разговором Марина.

В ожидании ответа Оля застыла с выпученными глазами. Она вытянула шею и немного подалась вперед.

– Ну, к примеру, одна девочка с третьего курса, которая пожелала остаться инкогнито, пожаловалась на местного донжуана. Будто бы тот, проведя с ней ночь после вечеринки, растрепал всем об этом. Разумеется, привела какие-то доказательства. – Женя тряхнул головой. – Общее голосование решило, что нужно его наказать, и через сутки после оглашения резуль-

татов этого парня обнаружили примотанным скотчем к столбу на въезде в университетскую аллею.

– Это называется «самосуд», – буркнула Марина, теряя интерес к разговору и возвращаясь к салату.

– А, я помню этот случай. – Олька даже присвистнула. – Все собрались тогда вокруг этого несчастного и снимали на телефон. Шуму-то было! У него на груди была табличка «Трепло».

– Жестко, – изумилась я. – Наверное, у того, кто занимается этим, полно свободного времени. И с головой не все в порядке.

– Жестоко, зато справедливо, – вздохнула Оля. – Не хотела бы я оказаться на месте той девчонки: все смеются, показывают пальцем. Негодяй получил по заслугам, и это уже хорошо.

– Ты бы не оказалась, – заметила Марина, потрясая в воздухе вилкой. – Достаточно иметь хотя бы каплю мозгов и чувство собственного достоинства, чтобы не присутствовать на пьяной тусовке, не напиться и не попасть в подобную ситуацию.

– Иногда мне кажется, что ты моя мама, – заметила Олька, послав в ее сторону многозначительный взгляд. – Откуда ты знаешь, вдруг они встречались с этим парнем? Вдруг эта девушка любила его, доверяла и все было серьезно? Представляю, как ей было больно, когда этот придурок растрепал о том, что произошло между ними.

– В любом случае я осуждаю подобные методы. – Марина пожала плечами, и тщательно уложенные волосы качнулись в такт.

– Еще один парень долго не возвращал кому-то долг. – Женька выпил разом полстакана компота и продолжил: – Как только его кандидатуру выставили на голосование, он вернул деньги – испугался, что его прилюдно накажут.

– Да! – рассмеялся Антон, и на его румяном круглом лице появились ямочки. – А так как конкретное имя не указали, одни лишь намеки на личность обвиняемого, то сайт тут же закидали сообщениями о возвратах долгов на различные суммы – все массово начали возвращать займы, лишь бы не нарваться на людей из «Черной метки».

– А сегодня заканчивается очередное голосование. Сообщается, что один преподаватель, – Женя поставил в воздухе воображаемые кавычки, – нечист на руку. Якобы ему почти нереально сдать зачет или экзамен, если предварительно не позолотить ручку.

– Ох, похоже, я знаю, кто это, – сдавленно просипела Оля.

Да мы все знали.

С госпожой Маргаритой Васильевной Ливенской, преподавателем и молодой акулой экономики, весьма трудно, почти нереально, было найти общий язык. Стервелла, как ее прозвали студенты, носила двенадцатисантиметровые каблуки и неизменную хищную ухмылочку. Даже у нашей Марины не получалось с первого раза сдать ей зачет, и никто не знал, почему она ее заваливала, ведь ответы всегда были верными.

А ларчик открывался просто: чтобы своевременно и успешно сдавать зачеты и экзамены Стервелле, нужно быть покладистым и очень услужливым. Кто-то возил ее на работу, другие целый месяц занимались отделочными работами на ее даче, третьим она открыто назначала цену за отметку в зачетке, но, как говорили, делала это настолько искусно, что никто и никогда не посмел бы обвинить ее в вымогательстве.

Госпожа Ливенская обожала свою работу и свой статус. Хитрая и изворотливая, если было нужно, она умело напускала на себя ангельский вид. Денег в руки сама не брала. И вряд ли бы кто-то посмел открыто обвинить ее, попытавшись уличить в извлечении выгоды из служебного положения. Не зря именно Стервелла преподавала экономику предприятия – знала, как наладить успешный бизнес даже там, где его отродясь не водилось.

– На сайте есть намек, что и автомобиль нечестный препод купил, внеся первый взнос теми деньгами, которые получил со студентов за весеннюю сессию.

– Вообще-то, с такими вещами нужно обращаться в правоохранительные органы, – прокомментировала Марина. – Пометить купюры и взять с поличным. А еще лучше – знать материал назубок, тогда уж точно никакой учитель тебя ни на одном предмете не завалит.

Мы все уставились на нее. Не ее ли завалили на ровном месте в прошлую сессию и отправили на пересдачу?

– Все правильно, Марин, – Антон поспешил убрать телефон в карман. – Только, видимо, никто до сих пор на это не решился.

– Гораздо легче вершить самосуд, – дернула плечами подруга.

– Простите, – мне пришлось извиниться, потому что в сумке зазвонил телефон.

Достала его. На дисплее высветился номер врача. В груди тревожно кольнуло.

– Да? – ответила, быстро направляясь к выходу из столовой.

– Настя? – Голос заведующего отделением был серьезен.

– Да.

Я вышла за дверь и отошла к окну.

– Ты придешь сегодня вечером?

– Конечно! Обязательно, Владимир Всеволодович! Приду.

Слышно было, как он прокашлялся.

– Это хорошо, потому что у меня для тебя есть новости.

– Какие? – Я сглотнула, стараясь не обращать внимания на бьющую нервную дрожь. – Что-то с мамой?

– Нет. – Короткая фраза позволила вздохнуть облегченно. – Просто Елена Викторовна передала мне твою просьбу.

– И? – Нетерпеливо.

– В общем, я согласен. Приходи, обсудим график.

7

– О, Настя первый раз за день улыбается. – Лицо Женьки просияло. – Наконец-то.

– Какие-то новости? – заинтересовалась Оля.

Ребята уставились на меня.

– Да. Меня берут санитаркой в больницу.

– Ого… – Кажется, Антон не знал, как реагировать.

– Поздравляю, – неуверенно улыбнулась Марина.

– А разве для этого не нужно медицинское образование? – Исаев снял очки, протер и водрузил обратно на нос.

Я взяла со стола тарелку и чашку.

– Нет. Вообще, если честно, это довольно непривлекательная работа…

– Чего уж там, так и говори – грязная. – Встав, Оля принялась помогать мне, складывая посуду на пустой поднос.

– Мытье полов, санобработка и прочее. – Я пожала плечами. – Не на полный график. Просто я подумала, что и так постоянно бываю у мамы, ухаживаю. Если бы они взяли меня в штат, появилась бы возможность больше разговаривать с ней, следить за ее состоянием. Никто ведь не знает… – в горле встал горький ком, – сколько ей осталось…

– Брось, – вскочила Марина, – неужели ты думаешь, что у нее нет шанса очнуться? Мы ведь уже обсуждали это. Отставить мысли о плохом! Состояние комы недостаточно хорошо изучено наукой, и было большое количество случаев, когда пациенты приходили в себя даже после нескольких…

– Марин. – Я внимательно посмотрела на подругу. – Прошло уже пять месяцев. Пять.

– Не уже, а всего пять месяцев, – не сдавалась она.

Мне с трудом удавалось удерживаться на ногах.

– Скажи это врачам… – проговорила тихо.

– Эй, Насть, ты чего, – подскочила Оля, – не раскисай. Вот увидишь, все будет хорошо!

– А сколько платят? – вклинился Антон, как раз когда подружки, обступив меня с двух сторон, крепко обняли.

– Майкин! – возмутилась Марина, обернувшись и испепелив его взглядом из-под толстых линз очков. – Не важно сколько. Лично я рада, что Насте не придется больше бегать, расклеивать листовки вечерами, по утрам выгуливать чужих собак, строчить кому-то курсовые, репетиторствовать.

– Как не придется? – Отстранилась я, едва удержав в руках посуду. – Я планирую все-все успевать.

Ребята переглянулись.

– Ты когда высыпалась в последний раз, Ежова? – Оля забрала из моих рук тарелку с чашкой и положила на поднос. – Глаза краснющие, вид усталый, прям вылитая белка в колесе! Только без хвоста.

– Нет, Настя, тебе бы правда отдохнуть, – с серьезным видом сказала Марина. – Хоть немного сбавить темп.

– А хочешь, мы все будем тебе помогать, а, Насть? – улыбнулся Женька.

– Да! – поддержал его Антон. – Мы можем взять на себя твои подработки. Я могу клеить листовки, Женька будет раздавать флайеры у аптеки, Маринка возьмет этого спиногрыза, с которым ты занимаешься математикой. Как зовут твоего подопечного?

– Артемка, – едва слышно отозвалась я, вспоминая смешного рыжего мальчишку, к которому приходила дважды в неделю.

– Вот. – Антон щелкнул пальцами. – Савина сменит тебя на этом посту.

– Ненавижу детей… – поморщилась Маринка. – Они… капризные. Глупые. И вообще…

– Ладно, ладно! – отмахнулся Майкин. – Тогда будешь собак выгуливать.

– Лучше дети! – громко воскликнула Савина.

– Прекрасно. Значит, ты берешь на себя Артемку, Олька собак, мы с Жекой промоутерство. И, знаешь… – На его широких щеках опять проступили милые ямочки. – Мы даже можем по очереди помогать тебе в больнице, Настя. Чего там сложного? Шваброй-то махать.

– Вообще-то, больница – закрытое учреждение. Вряд ли туда пустят кого-то с улицы, – не могла не сумничать Марина.

– Скажем, что это шефская помощь от универа, какие проблемы? – усмехнулся Антон.

Мне пришлось до боли закусить губы, чтобы не расплакаться.

– Ребята, – я глубоко вдохнула, медленно выдохнула и оглядела их по очереди: ни у одного из них во взгляде не было и тени сомнения, – вы прямо как тимуровцы какие-то, – я шмыгнула носом, – но я не могу принять эту помощь.

– Почему? – хором воскликнули они.

– Да брось, – нахмурился Женя. – Можешь!

У меня по спине пробежали мурашки.

Эти парни и девчонки даже не знали, на что подписывались. Я со дня аварии жила только надеждой, что маме станет лучше и она все же поправится. И эта надежда давала мне силы вынести все тяготы жизни после похорон отца. И только вера в то, что она однажды обязательно вернется к нормальной жизни, не давала мне опустить руки.

Дядя Костя отдавал на ее лечение почти все деньги, из-за этого его спортивный зал даже оказался под угрозой банкротства – нечем стало платить за аренду. Тогда-то мне и пришла в голову идея о подработках. Я бралась за все, что работодатели были готовы поручить неопытному студенту: зазывала людей в ресторан в костюме огромного плюшевого зайца, пробовала себя в копирайтинге, мыла машины на мойке, подрабатывала репетитором, пыталась даже работать курьером, но, как оказалось, не имея своего транспорта, этим не так-то легко было заниматься в большом городе. Я чередовала подработки, забывая про сон и отдых. Если оставалось свободное время, посвящала его маме или учебе. А еще некоторым делам, о которых договорилась с Главным. Ну, тем, что на небе. Создателем, Автором, Богом, Высшей силой – каждый называет его по-своему.

Я предложила ему сделку: каждый день я помогаю кому-то, делаю минимум одно доброе дело, а взамен моя мама получает еще один день жизни. И до сих пор это работало. Никто из врачей не давал никаких надежд и гарантий, но мама не сдавалась. Она жила.

Вера в то, что она обязательно вернется к нормальной жизни, не давала мне опустить руки.

Месяцы шли один за другим. Без аппарата мама не дышала, поэтому домой ее забрать было невозможно. А на содержание в больнице уходило немало средств. Со всех сторон я слышала, что, как только у нас кончатся деньги, врачи тут же бросят маму умирать. Нет, никакой эвтаназии, что вы! В нашей стране официально это запрещено. Человек просто внезапно погибает, у него останавливаются сердце и дыхание – вот так меня пугали.

Но я смотрела в полные сочувствия и сопереживания глаза медиков и не хотела верить, что такое возможно. И продолжала бояться, поэтому и старалась проводить у постели мамы как можно больше времени, разговаривать с ней, убеждать, что ей нужно вернуться. Мне хотелось доказать всем, что «неясные перспективы» ее состояния – это вовсе не приговор, это луч надежды.

Но с каждым днем и у меня, и у нее сил оставалось все меньше.

– Это очень-очень трудно, – сказала я тихо, – вы не обязаны.

– Ерунда, – бросил кто-то из них, – нам это в радость.

И они меня обняли.

И в этот самый момент я почувствовала, что больше не одна.

– Совсем эти ботаники рехнулись, – раздался чей-то голос, – обнимаются посреди столовой.

– Сектанты!

Но нам было все равно.

Когда мы выбрались из универа, на небе ярко сияло солнце. И ничего не напоминало об утреннем ливне. Даже лужи высохли. Я сняла плащ. Зря Таисия Олеговна сушила его на радиаторе – не пригодился. В качестве благодарности я принесла ей шоколадку, но старушка замахала руками:

– Ты что! У меня зубов на одну драку осталось! Бог с тобой!

Такая забавная.

Удивительно, что мы обычно не замечаем людей, которых видим почти ежедневно. Я рада, что познакомилась с этой замечательной бабулькой.

– Идем? – Оля кивнула в сторону автобусной остановки.

– Давай пешочком, Оль! Тут идти-то! – предложила я. «Да и сэкономим», – мелькнула мысль.

– Ну ладно! Солнышко светит, – согласилась подруга.

– Девочки, до завтра! – Марина, сбежав по ступенькам, махнула рукой.

– Счастливо! – откликнулись мы.

Мы медленно двинулись вдоль улицы.

– Ты не против, если мы заглянем в зал по дороге?

– Не можешь и дня провести, чтобы не глянуть на полуобнаженных мужчин, занятых избиением несчастных боксерских груш? – хихикнула Олька.

– Ты ч-ч-что? – Я даже начала заикаться. – Вовсе нет! Курсовую надо распечатать. Так неудобно сегодня с этим Пашей получилось…

– Ну так нет проблем! Пошли!

По пути мы заглянули в оптику. Я прям пулей оттуда вылетела – не знала, что приличные очки так дорого стоят. Но, как оказалось, мне и неприличные были не по карману.

– Я так распереживалась, что забыла спросить, не ремонтируют ли они очки, – призналась, когда мы уже отошли далеко. – Мне ведь только стекла вставить. Наверняка это не так дорого.

– Хорошие линзы дешевыми не бывают. Ты бы не экономила на зрении, мать! – Оля скрутила длинные темные волосы в хвост и закрепила резинкой. – Предлагаю немного подкопить и купить тебе крутую оправу, чтобы очки тебя не уродовали, а украшали. Как тебе это предложение?

Все, что было связано с деньгами, в последнее время вызывало во мне острое желание взвыть, и желательно погромче.

– А старые меня уродовали, значит? Ты это хочешь сказать?

– Честно? – усмехнулась она.

– Да!

– Ужасно!

Я шумно выдохнула.

– Ну и что! Необязательно соответствовать принятым стандартам красоты, чтобы ощущать себя привлекательной. Важнее быть полноценной, самодостаточной, сохранять внутреннюю гармонию.

– Ага-ага! – рассмеялась Олька. – Ты сейчас будто Маринкину речь прочитала.

– А что? Я искренне так считаю. – Я улыбнулась яркому солнышку и прищурилась. – И чтобы понравиться, не собираюсь лепить из себя кого-то, кем не являюсь. Ну правда, Оль, разве человек не достоин того, чтобы его полюбили таким, какой он есть?

Подруга остановилась у двери спортивного зала и повернулась ко мне. Оглядела меня внимательно с головы до ног.

– Это как посмотреть, – хмыкнула она, складывая руки на груди. – Ты говоришь о внутренней красоте, тут все понятно. Добрая душа, чистые помыслы, светлые наивные мечты, бла-бла-бла. Но не каждый готов и умеет разглядеть это с первого взгляда. Надо долго общаться, находить точки соприкосновения, узнавать друг друга. А что, если нет такой возможности? Что, если у тебя есть всего один шанс, чтобы тебя заметили, а? О внутренней красоте много говорят, но никто точно не знает, что это такое. Проще разглядеть красоту внешнюю.

– Я так ужасно выгляжу? – спросила я. – Ты на меня сейчас так смотришь.

– Ну… Обычно ты выглядишь лучше, – призналась Олька, смеясь. – Сделаем скидку на то, что ты сегодня почти не спала. – Она поправила мою кофту, перекосившуюся и сползшую с плеч. – Даже в простенькой одежке можно нести себя, как королеву.

– Что, – я оглядела себя, – что со мной не так?! Ну, платье немного помято. Волосы растрепаны? Ну извините, в спешке даже расчесаться было некогда, но это, это…

– Нет, ты хорошенькая! – Оля попыталась убрать пряди моих волос мне за уши, но тут же оставила это бесполезное занятие. – Обещай не загонять себя. Ночуй в общаге, а не в тренерской за компьютером, смотрись в зеркало чаще и делай это с удовольствием. Попробуй увидеть, какая ты. Мне кажется, ты совсем этого не замечаешь. А вот кое-кто сегодня заметил…

– Кто? – У меня даже дыхание перехватило. – Ты о чем?

– …и смотрел на тебя так пристально. – Подруга многозначительно дернула бровями. – Я еще подумала, чего это он стоит в дверях и пялится на нас? А потом гляжу, это он с тебя глаз не сводит.

– Кто? – еще раз спросила я.

– Ой, не строй из себя дурочку, ладно? – рассмеялась она. – Глупенькой ты точно никогда не была. Идем! И не делай вид, что не понимаешь, о ком я.

– Ты про… – мне не хотелось произносить его имя вслух. Казалось, что обожгу язык, если сделаю это.

– …про Гая.

– А-а-а… Он… – У меня, кажется, поднялась температура.

– Все ясно. – Олька подтолкнула меня вперед. – Этот парень тебе тоже понравился.

– Нет! – Мои щеки мгновенно зарделись. – Вовсе нет!

– Еще как понравился. Ты даже говоришь о нем – и у тебя голос становится выше от волнения.

Мне захотелось немедленно провалиться под землю.

– Нет, он мне не нравится. – Я чуть не задохнулась. – Я его ненавижу, да! Да!

– За что конкретно? – Оля подмигнула. – За то, что он красавчик, из-за которого все девчонки готовы перегрызть друг другу глотки? Или из-за того, что ты не способна контролировать себя, когда думаешь о нем?

– Оля!

– А что будет, если он подойдет к тебе поболтать? Тебя парализует? Или в обморок шлепнешься?

– Он… он… да он поспорил на меня! И на других девчонок!

– Чего?!

Мы поздоровались с дядей Костей, который вел индивидуальное занятие, быстро прошмыгнули в тренерскую, и, пока принтер шуршал листами, я в подробностях рассказала подруге о том, на что способен этот гад.

– Ну, точно гад! – Выслушав мою сбивчивую речь, Олька сжала кулаки. – Красивый, холеный, циничный гад с идеальным телом! Эх, мне б сейчас его увидеть!

И, натянув боксерские перчатки, она принялась колотить спинку ни в чем не повинного дивана. Такие морды корчила, обзывая бедную мебель Ромашкой-какашкой, так охаживала ее сердитыми ударами, что я хохотала как безумная и не могла остановиться. Точно кран прорвало: смех лился и лился из меня, давая столь желанную разрядку. Даже дышать стало легче, и усталость отступила.

– Помощь нужна? – заглянул в кабинет дядя и странно так на нас посмотрел.

– Нет, – с серьезным видом отрапортовала Олька, пряча за спину руки в боксерских перчатках.

– Хорошо! – И, прежде чем закрыть дверь, подмигнул мне: – Рад, что ты улыбаешься, Настен!

Стоило ему скрыться, мы снова расхохотались.

Через пару минут я набрала Пашу, но номер не отвечал.

– Ну ладно, идем в общагу! – Я сложила листы в папку. – В комнате у меня и дырокол есть, и скоросшиватель – приведу работу в надлежащий вид.

– Идем, – согласилась Ольга.

Она распахнула дверь и чуть не налетела на высокого, хорошо сложенного шатена. Парню на вид было около двадцати, вот только взгляд его казался хмурым, серьезным и… опытным, что ли.

– Ой, простите! – отпрянула в сторону подруга.

– Мне нужен Константин Евгеньич, – сказал шатен, не отрывая взгляда от Олиного лица.

– А, это там! – Она как-то неуверенно махнула рукой в сторону зала.

Парень оглянулся.

– Возможно, отошел куда-то, – предположила я. – Но он только что был в зале… А, вот он – возле окна.

– Точно! – кивнул парень. – Спасибо.

– Пожалуйста, – пробормотала Оля.

Мне показалось? Она сказала это с придыханием?

– Пойдем! – Я взяла курсовую и вышла из тренерской. – Мне не терпится вернуться и принять душ.

– Ага! – Оля последовала за мной, украдкой посматривая в спину парню. – Ух, грозный какой. Мне надо почаще бывать здесь.

– Понравился?

– Кто? Он? Мне?! – Она поспешила на выход, обмахиваясь собственными руками, точно веером. – Нет. Или да? Разве что совсем чуть-чуть, и то больше из научного интереса.

– Да-да, – усмехнулась я, открывая двери. – И в какой из наук лежит этот твой интерес? Не физиологии, случаем?

– Ой, идем скорее, мне душно, – отмахнулась она.

– С чего бы это?

– Просто голова закружилась, знаешь ли. – Олька выпорхнула на волю и тряхнула волосами. – Слишком высока концентрация мужского пота и тестостерона. Духота!

– Его зовут Кирилл, – улыбнулась я, – он на курс старше нас учится.

Подруга невинно захлопала ресницами. В ее глазах сильнее вспыхнул огонек интереса:

– И почему я его раньше не видела?

– Ну как же, я его пару раз видела в прошлом году, потому и запомнила. У него еще брат-близнец есть.

– Не-а, не помню. – Оля шла, забывая глядеть себе под ноги.

– Такой же, как Гай, ходил, надменный. Весь из себя! Редко появлялся в университете, а потом и вовсе пропал куда-то.

– А я где была?

– Да со мной вроде всегда была.

– Тогда странно…

Я пожала плечами.

Мы вернулись в общежитие в бодром расположении духа. Когда подошла моя очередь в душевую, я как раз успела выпить чаю, перекусить бутербродами и прибежать в коридор в обнимку с полотенцем. Вошла в ванную комнату и закрылась на щеколду.

О, это было прекрасно. Не деревенская банька – всего лишь общественная душевая, в которой приходилось постоянно находиться в тапочках под нетерпеливое покашливание за дверью, но я смогла насладиться процессом в полной мере. Постояла под горячими струями воды, отрешаясь от всего на свете, расслабилась, успокоилась, привела мысли в порядок. И что важнее – вымыла с шампунем свои нерадивые волосы.

Как говорят француженки, не нравишься самой себе, просто помой голову.

Вернувшись в комнату, я обнаружила Олю спящей в позе креветки с учебником по экономике организации в одной руке и глупым любовным романчиком в другой. Осторожно накрыла ее одеялом, забрала книжки и подошла к зеркалу.

Пожалуй, без очков я нравилась себе больше: никаких мелких веснушек, неровностей кожи и даже овал лица чудным образом выровнялся.

Поправила пальцем брови, повернулась сначала одним боком, затем другим, улыбнулась самой себе: «Ничего так». Расчесала волосы и еще раз оглядела лицо – придирчиво и досконально.

Затем сняла халат, оделась в спортивные брюки и мягкую розовую кофту, которую купила мне мама. Ее последний подарок. Кофта мне шла. Мамочка всегда знала, что мне к лицу, и часто угадывала мои желания.

Повертелась еще раз перед зеркалом и почти готова была признаться себе, что мне нравится то, что я вижу, когда зазвонил телефон.

8

– Хорошо, записала! – пришлось слукавить. Да соврать, попросту говоря. Я носилась по комнате в поисках ручки или карандаша, но ничего подходящего не нашла.

– Да-да, все поняла. Принесу.

На линии было очень шумно – так, словно Паша звонил мне с оживленного шоссе: гремело, трещало, звенело. Я отложила телефон и, повторяя названный им адрес, принялась искать ручку.

Перевернула на столе учебники, тетради и наконец-то обнаружила карандаш. Нацарапала на клочке бумаги адрес, затем привела в порядок курсовую и сложила ее в пакет. Причесалась. Кудряшки уже подсохли и приняли обычный вид: будто большая шапка пушистого тополиного пуха собралась над глазами. Пришлось закрутить с двух сторон эту гриву в жгуты и заколоть сбоку невидимками. Получилась милая девичья прическа, которую Олька часто называла «колхоз». Но мне нравилось. Протянула руку, чтобы по привычке взять с полки очки, но их там, конечно же, не было.

«Отнесу курсовую, потом к маме. Буду поздно, но буду», – написала я записку Оле и оставила на столе. Часы посещений в больнице заканчивались в восемь вечера, но мне позволяли сидеть и до десяти, а в одиннадцать наше общежитие уже закрывалось, и за час мне нужно было добраться. Конечно, никто не оставил бы меня на улице, но поиздеваться, долго не открывая, а потом уморить ворчливой лекцией для нашего коменданта было истинным удовольствием. Приходилось рассчитывать время, чтобы не опоздать к закрытию.

Когда я вышла на улицу, телефон в кармане опять запиликал. Кто там еще? Лира – волонтер приюта для животных, в который я приезжала пару раз в неделю, чтобы внести пожертвования, помочь с уборкой вольеров и выгулом собак.

– Да, – ответила я, глядя, как солнце опускается на крыши высоток.

– Настя?

– Да! – Я улыбнулась. – Или ты кому-то другому звонишь?

– Насть, – голос Лиры звучал беспокойно, – мне нужно, чтобы ты приехала к нам.

– А завтра можно?

– Тут такое дело… – она смущенно покашляла. – Нам очень нужна помощь. И фамилия у тебя Ежова, и вообще, я подумала, наверное, это какой-то знак.

– Что?! – Я уставилась на листок с адресом. Приют был по пути. – Ладно, жди, Лира, заскочу по пути.

– Спасибо, Насть! Я твоя должница!

– Надеюсь, это что-то действительно важное.

– Даже не сомневайся!

Путь не занял много времени. Когда я вышла из метро, над городом уже стояла серая сумеречная дымка. Вроде еще не совсем стемнело, но я уже видела недостаточно четко, и мне приходилось прищуриваться. Вот дернул же черт разбить очки! Нужно поторопиться, скоро окончательно стемнеет, а я не очень хорошо знаю этот район. Быстрым шагом направилась вдоль улицы.

Приют встретил меня лаем.

– Альма, Клык, Алый, Пончик, Буба! – Шла меж клеток, без опаски подставляя ладони собакам. Они прыгали на ограждение, радостно скуля. Прижимались к решетке, облизывая мои пальцы. – Привет, Ворчун! – Маленький карликовый пинчер, мелко дрожа и активно виляя задом, растекался довольной лужицей при виде меня. Пришлось остановиться, чтобы его погладить. Просунула руку сквозь решетку и почесала ему спинку.

– Настя, ну, наконец-то! – раздался знакомый голос.

Лира – одна из пяти женщин-волонтеров, которые вкладывали в этот приют свободное время, деньги и силы. Не ради какой-то выгоды, которой в таком деле и быть не могло, а потому, что не знали, как можно оставаться равнодушным, когда животные мерзнут, голодают на улице или погибают от людской жестокости.

– Привет, Лир! – я обернулась. – С ними уже гуляли? А то я могу быстренько.

– Вот только что ушли ребята. Школьники. Притащили мешок корма. Откуда они только его взяли? – Женщина, улыбаясь, пожала плечами. – Погуляли с собаками под моим присмотром, помогли почистить пару кошачьих клеток.

Лира повела меня за собой в небольшое здание – и приемная, и сторожка, и все сразу. Только кабинет для работы ветеринара и кладовая были отделены перегородками.

– Его принесли сегодня, – сказала женщина, останавливаясь у своего стола.

– Кого?

– Африканского ежика.

Я не смогла скрыть удивления.

– Ага, представь себе. Сегодня какая-то фифа приехала на дорогущей машине, даже не пожелала своими километровыми каблуками здешнюю грязь месить, отдала нам эту лапулю и сразу уехала.

– Что, вот так просто бросила?

– Ну, – Лира пожала плечами, – нужно ей сказать спасибо, что в мусорку не выбросила. Сама знаешь, что так люди поступают гораздо чаще: грызунов на свалку, попугаев в окно. Никто не заморачивается.

В кошачьей переноске, стоящей на столе, кто-то шевельнулся. Мне почему-то стало тяжело дышать. Лира приоткрыла дверцу переноски.

– Ей подружки его на день рождения подарили. Нет, лучше бы стриптизера вызвали, честно. Ну какой еж? За ними же ухаживать нужно. Каждый день. Вот и этому красавцу, – она осторожно достала серый комочек, боясь уколоться, – стоило навалить на наряд от «Гуччи», мадам психанула и привезла его к нам. С глаз долой – из сердца вон.

Лира протянула мне маленького ежика. Крохотный, шапка длинных иголочек, глазки-пуговки и вытянутый носик. Прямо мимими, по-другому и не скажешь. Пухленький, на тонких-претонких розовых лапках. Он подергивал носом, принюхиваясь, и опасливо озирался по сторонам. Точно раздумывал, стоит ли сворачиваться в клубок, и топтался на месте крохотными лапками.

– Ой! – В груди екнуло. – Смотрит на меня.

Ежик поднял голову и опустил иголки. Передние лапки вытянулись, ушки поднялись вверх.

– Ты говорила, у тебя клетка есть.

– Да! – Я осторожно протянула руку, но тронуть пока не решалась. – У дяди раньше крыса жила, от нее осталась. Я принесу, ты не переживай.

– Нет, Насть, ты не поняла. – Лира явно нервничала. – Я хотела, чтобы ты забрала его хотя бы на время.

– Куда? В общежитие? – Так и не коснувшись пушистой мордочки или колючих иголок, я отдернула руку. – Ты что, меня оттуда вместе с ежом выселят.

– А ты спроси у дяди, может, он себе возьмет. Или разрешит ежу в зале пожить? Этому парню общение нужно, хотя бы пару часов в день, а то станет нелюдимым.

– Я могу взять, но пока для него хозяин не найдется. Сфотографируй, дай объявление. Как его зовут?

– Не знаю, – женщина улыбнулась, – ты и называй.

– Ежик. – Я уставилась на маленький комочек. – Ежик. – Осторожно взяла его и приблизила к своему лицу. – Ежик Сережик. Как тебе?

Клянусь, он кивнул. Я даже рассмеялась. Но тут же замолчала, чтобы его не напугать.

– Постарайся не наступить на него, если будешь выпускать. Следи внимательно, это тебе не кошка.

Я попыталась погладить его, и ежик, обнюхивая мои руки, спрятал иголки. Его спинка расправилась, стала гладкой.

– Да, пока не забыла. – Лира сложила в переноску все необходимое. – Ежи очень шумные ночные животные: когда все спят, ходят, топают.

Скорее всего, дядя Костя будет не против. Если он разрешит держать Сережика у себя в тренерской, то он никому там не помешает спать.

– Ничего страшного, – улыбнулась я, прижимая к себе нового друга.

Отдавать курсовую я ехала с Сережиком. Я щурилась, разглядывая местные достопримечательности и высокие заборы богатых домов, а ежик спал. На нужной остановке вышли. Я осмотрелась. Интересно! Наверное, Паша из состоятельной семьи, раз живет там, где каждый дом – неприступная крепость.

Почему-то я свободно прошла мимо пункта охраны. На всякий случай посмотрела еще раз адрес. Да, все верно. Из-за забора нужного мне дома раздавались громкая музыка, веселый смех, даже чьи-то вопли – вполне довольные.

Кажется, там была вечеринка в самом разгаре. Поставив на асфальт переноску с Сережиком и положив сверху курсовую, я позвонила Паше.

– Ты пришла? Заходи!

Легко сказать. Я нажала пару раз на звонок, но открывать мне никто не спешил. Я толкнула калитку и вошла во двор.

Ого! Десятки молодых людей и девушек двигались под музыку прямо на газоне под яблонями, увешанными разноцветными гирляндами. Они визжали, смеялись и толкали друг друга. Спиртное лилось рекой: стаканчики мелькали в руках гостей, стаканчики заполонили все столики, расставленные по периметру двора, и стаканчиками же были усеяны перила, ведущие по лестнице вверх, к входной двери.

– Ух ты, кто тут у нас? – Здоровенный детина напугал меня, появившись сбоку и дыхнув в ухо.

Прижав к себе переноску, я огляделась. И где искать этого Пашу? Так ли уж мне нужны эти деньги? Может, стоит поскорее уносить отсюда ноги?

И тут толпа загудела, загомонила, десятки рук взметнулись вверх. И в этот момент я заметила его: в дальнем конце двора было устроено что-то вроде сцены, на которой расположились музыканты с инструментами. Они заиграли, и Паша запел. Все снова закричали, а я от неожиданности чуть не уронила контейнер на дорожку.

Я оглянулась в поисках хоть какого-то решения, но никому не было до меня дела. Кто-то танцевал, кто-то целовался, парни толкались – похоже, назревал конфликт. И тут я увидела Лиду, но не звать же на помощь того, кто с утра обзывал тебя Страшилой, правильно? Я решила бежать. И побыстрее. Так, а курсовая? Надо пробраться ближе к сцене и помахать Паше, сунуть ему работу. И уехать немедленно, мне еще ежика пристраивать. Да, деньги надо бы за работу забрать…

В эту секунду кто-то потянул меня за локоть, вынуждая обернуться к нему: огромный и явно пьяный парень.

– Эй, недотрога, ты с кем? – Его пальцы больно впились в меня.

– Она со мной, отпусти, Тим, – прозвучал над ухом низкий голос.

Дышать стало тяжело, потому что мой мозг моментально определил владельца этого голоса – Роман Гаевский. Собственной персоной. Высокий, взъерошенный, в расстегнутой рубашке, красивый и мускулистый.

– Гай, послушай… – усмехнулся незнакомец, разглядывая нас.

– Иди куда шел, – не сводя с меня взгляда, холодно процедил Роман.

– Как скажешь, – усмехнулся бугай, – если это твоя курочка, то…

– Иди, – повторил Гай.

Парень немедленно скрылся в толпе.

Сердце колотилось как ненормальное, в голове был настоящий сумбур, мы стояли и смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Я собиралась сказать что-то вроде «благодарю», а потом развернуться и быстренько свалить, когда Роман взял с подноса проходящего мимо парня два стаканчика и протянул один из них мне.

На его лице появилась нагловатая и самоуверенная улыбка. Наклонившись ко мне, он хитро улыбнулся, медленно и очень четко произнес:

– Разрешите влюбиться?

Это было как раз то, что нужно, чтобы вспомнить, что я не из числа его истеричных фанаток, которые падают в обморок от счастья, стоит ему лишь обратить на них внимание.

– Не прокатит! – сказала я резко и, прижав к себе переноску, ввинтилась в толпу.

– Что? – Он вырос передо мной неожиданно, заставив остановиться.

– Что? – отозвалась я эхом.

От улыбки Чеширского кота не осталось и следа. Гай, кажется, растерялся.

– Что ты сказала? – Похоже, у красавчика в голове не укладывалось, что его отшили. Ничего, пусть привыкает.

– Не интересует твое предложение, говорю. – Я картинно зевнула и попыталась его обойти. Но он не пропускал. Я нахмурилась: – Дай пройти!

Но Роман развел руки со стаканчиками в стороны, не давая шагнуть ни влево, ни вправо. Мне не оставалось ничего, кроме как замереть и уставиться на его обнаженную рельефную грудь, выглядывающую из расстегнутой рубашки. Надо признаться, мне не доводилось так близко лицезреть полуобнаженное мужское тело, и я не знала, что оно может производить такой эффект.

– А я тебя помню, – закусывая от злости нижнюю губу, сказал он.

Боже, так, наверное, ведет себя крокодил, прежде чем напасть на бедную жертву.

– Еще бы, – буркнула я, вспоминая публичное падение в лужу.

– Нет, – насмешливо произнес он, вынуждая меня перевести взгляд с его голого торса на надменное лицо, – я не про то, как ты чуть не выломала дверь моей тачки.

Я чуть не задохнулась от его наглости. Выломала? Я чуть не выломала?!

– Я помню тебя. – Он опустил руки. – Ты одна из тех, кто ходит по коридорам, глядя себе под ноги. Из тех, кто никогда не смотрит в глаза.

Еле сдержалась, чтобы не отвернуться и не видеть его, но сдержалась. Даже вздернула бровь, словно не понимала, что тут такого и чего мне надо было стыдиться.

– Что-то еще? – бросила ему беспечно.

– Выпьешь со мной? – Роман снова протянул мне стаканчик.

Я усмехнулась:

– Даже незначительные дозы спиртного могут приводить к некоторым изменениям в мозге человека и других системах организма. Один бокал пива уничтожает несколько тысяч нейронов без возможности восстановления. Я похожа на самоубийцу?

Попыталась обойти его, но снова не вышло.

– Да погоди ты!

Тепло его запястий обожгло мои плечи. Роман схватил меня за предплечье, чуть не расплескав содержимое стаканов, и уставился прямо в глаза. И вот тут мне стало по-настоящему страшно.

– Гай, ты идешь? Сам же звал, – послышался чей-то голос. – Я готов.

– Я тоже, – сказал Роман, не отрывая от меня своих голубовато-зеленых глаз, – просто искал себе партнершу. И вот нашел.

9

Роман

Ничего собой не представляет, а туда же – цену набивает.

Не сказать, что меня это взбесило, но из колеи выбило точно. Я опешил, даже растерялся. Замухрыга какая-то – серая, невзрачная, мелкая, – радоваться должна, что на нее вообще кто-то внимание обратил, а она нос задрала, еще и послала меня подальше.

Весь настрой сбила. Хотя… Кажется, азарта только прибавилось.

– Мне нужно идти! – Девчонка дернула плечом, и пиво, которое я держал в руках, полилось через край.

– Не спеши! – Недолго думая я отбросил стаканы на траву. – Я тебя не отпускал.

Она отвлеклась, провожая взглядом стаканчики, упавшие на газон, и я воспользовался моментом – схватил ее за предплечья двумя руками. Клянусь, в эту секунду жалкая ботаничка посмотрела на меня с вызовом. Ее глаза сверкнули самой настоящей злостью. И для меня это было… непривычно. Обычно те, кто прикидывался недотрогами, были не в состоянии скрыть удовольствие от того, что их лапали «против их воли».

– Слушай, ты, кем бы ты себя ни возомнил… – Девчонка запнулась, потому что я к ней наклонился. Близко – к самому лицу. Сам от себя не ожидал, что могу так сделать. И едва не задрожал от этой опасно цепляющей близости.

– Как тебя зовут?

Она вся сжалась.

Ежиха, звучало в голове, Страшила. Именно так обидно называли ее утром.

– Как зовут? – повторил.

Вцепилась руками в свои авоськи. Губы поджала. Могла бы и не стараться, отчаянно строя из себя неприступную крепость. Все они на самом деле одинаковые: продажные, доступные, легкомысленные дешевки. Рискни перед такой открыться, и с радостью укусит тебя побольнее при первой же возможности.

– Настя, – проблеяла она, словно пытаясь своим писклявым голоском меня разжалобить.

И звук ее голоса, и имя это – какое-то хрупкое и излишне нежное, во мне такую острую горечь вызвали, которая в одну секунду по венам ядовитой тоской разлилась.

Разозлился еще сильнее. На нее – за взгляд этот невинный. И на себя – за то, что так на него реагирую. Поддаюсь. Ведусь. Будто верю, что есть в ней что-то настоящее, непритворное – в глазах этих серовато-голубых. Почему так больно царапает где-то внутри, стоит только в них посмотреть?

– Послушай, Настя! – Мне даже вдохнуть было больно в такой близости от ее лица, но я все же сделал над собой усилие и попытался обворожительно улыбнуться. – Я надолго тебя не задержу. – Заметил, как она вздрогнула, и ее ресницы испуганно задрожали. – Эй, да не съем я тебя, расслабься.

– Мне нужно идти, – сказала тихо.

Я легонько ее встряхнул.

– Тебе не нравится вечеринка?

Честно сказать, она вообще не была похожа на завсегдатая подобных мероприятий. Смотрела по сторонам затравленно, вздрагивала от громкого звука. Да еще и одета была в обычной своей манере – в шмотки, позаимствованные у бабуси или деревенской мамаши, нелепые, старомодные и явно дешевые.

Я наслаждался произведенным на нее впечатлением и хотел продлить это ощущение как можно дольше. Мне нравилось, как в ее переполненных ужасом глазах сочетались и страх, и гордость одновременно. Это возбуждало.

– Пусти! – ботаничка попыталась отстраниться.

– Я тебя надолго не задержу, вот увидишь. Мне просто нужна твоя помощь.

– Гай! – снова этот отвратительный голос за спиной. Тим Левицкий.

– Что тебе? – обернулся.

Я по-прежнему не отпускал Ежиху.

– Если эта милашка не согласна, оставь ее мне.

Я усмехнулся лишь уголками губ:

– Ты все еще здесь, Тим?

Он прищурился. Меня всегда бесила его кривая ухмылка, и, клянусь, я быстро стер бы ее с его лица, если бы моя сестра не повела себя как последняя шлюха, спутавшись однажды с этим придурком.

– А куда я денусь? – Он пошатнулся, пьяно улыбаясь. – Хочу взглянуть на твою дуэль с Кирюсиком. Не знаю, с чего вы закусились и кого делите, но с удовольствием посмотрю, как ты уделаешь моего бывшего лучшего друга.

У меня будет еще возможность, чтобы разобраться с Левицким, поэтому я мысленно приказал себе остыть.

– Хорошо. – Я снова посмотрел на ботаничку. Ловким движением вырвал из ее рук небольшой пластиковый чемоданчик и пакет. Интересно, что в нем? Опять книжки? Почему она с ними никогда не расстается? Обернулся и передал вещи Тиму:

– Отнеси в дом, ладно?

Тот нехотя развернулся и направился к крыльцу.

– Отдай! Это мое! – метнулась девчонка, но я ее удержал.

Настя уставилась на меня с ненавистью и отвращением:

– Куда этот козел поволок мои вещи?

– Тише, малышка, тише! – я попытался ее успокоить, обхватив за локти и бесцеремонно притянув к себе. – Я их верну после того, как ты мне немного поможешь.

Она будто поняла, что находится в безвыходном положении. Дернулась и затихла. Боязливо оглянулась по сторонам. Толпа расступалась, оставляя нас в центре круга.

– Это просто состязание, – шепнул я ей на ухо. – Мы меряемся силой. От тебя требуется посидеть у меня на шее и побыть хорошей девочкой. Если наша команда выиграет, я тебя отпущу.

– Хочешь, чтобы надо мной опять все смеялись? – Девчонка не ждала ответа. Она была в этом стопроцентно уверена. Думала, что я над ней издеваюсь. Ее трясло, да так, что захотелось пожалеть. – Решил второй раз за день выставить меня идиоткой?

Ее голос дрожал, когда она шептала мне это в ухо.

– Нет! – ответил я твердо и прижал к своей груди ее руку. – Пока ты со мной, никто не посмеет над тобой смеяться. Обещаю!

– Иди к черту! – процедила она, вырываясь из моих объятий.

– Поздно, – прошептал я, крепко удерживая ее запястье.

Кто-то направил на нас свет.

– Итак, – из толпы вышел Денис. Он отхлебнул пива и даже присвистнул, увидев рядом со мной ботаничку: – Я вижу, все нашли себе пары.

Ослепленная светом, Настя смущенно опустила лицо.

– Давай без лишнего базара! – попросил я.

– Хорошо. Вставайте, – друг указал на пространство перед собой. – Правила, как всегда, просты: приседаете лицом друг к другу, девушки сидят на ваших плечах. Кто первым сдается, тот проиграл. Все понятно?

– Да, – ответил Кирилл.

– Да, – кивнул я.

Мой соперник воинственно дернул плечами. Этот жест меня раззадорил. Посмотрев на стоящую подле него девицу, я скептически ухмыльнулся: он выбрал самую тощую напарницу, какую только смог найти среди пришедших на вечеринку. Хитро!

Я повернулся к своей напарнице, на ней лица не было. Она не понимала, что происходит, и все еще пыталась вырваться. Уперлась руками в мою грудь в безуспешной попытке оттолкнуть и еще чаще захлопала глазами.

– Эй, Настя. Настя! – Я взял в ладони ее маленькое личико. – Посмотри на меня. Ну ты чего? Мы их уделаем.

– Это кто у него там? – пискнул знакомый голосок из толпы. Лидка. Вот же стерва. – Ого! Страшила, что ли? Да ла-а-дано!

Я повернулся и посмотрел на нее гневным взглядом.

Настя тоже посмотрела в ту сторону, откуда раздался голос, и решительно выдохнула:

– Ладно, Гай, я согласна.

– Ты знаешь, как меня зовут? – усмехнулся я.

Она облизнула губы, повернулась и стойко выдержала мой взгляд:

– Только попробуй облажаться.

– Чего? – я прямо-таки опешил.

Она бросила короткий взгляд на наших соперников, встала на цыпочки и шепнула прямо мне в ухо:

– Если ты проиграешь ему, то над тобой все будут ржать, а не надо мной, усек? Так что лучше сдохни, но выиграй!

Я не смог разобраться, что это было – внезапно охватившая меня ярость от ее дерзкого поведения или радость от того, что она вдруг согласилась, но улыбнулся.

– Ну что ж, постараюсь не сдохнуть.

Как она вообще могла во мне сомневаться?

Я быстро снял рубашку и накинул девчонке на плечи:

– Надевай, не на землю же бросать.

Она неуклюже продела руки в рукава и пошатнулась, словно теряя сознание.

– Эй, ты чего? – Меня умиляло, как эта кроха злилась. – Ежа? Тебе плохо, что ли?

У нее щеки раздулись от возмущения, одуванчиковые волосы еще сильнее распушились, а брови гневно сошлись на переносице, заставив ярче сиять большие голубые глаза.

– Кто? – подалась она вперед. Хотела ухватиться за меня, да только руки полностью скрылись в длинных рукавах моей рубашки. И прошипела: – Как ты назвал меня?

– Тише, тише, – выдохнул ей в ухо, подтягивая к себе, – все на нас смотрят. Я думал, тебе понравится. Это же ласково.

– Не смей меня так больше называть!

– Готовы?

– Да, – поспешно отозвался я.

– Еще раз обратишься ко мне не по имени, – предупредила малявка, закатывая рукава моей рубахи, – и тебе придется вместо меня тягать свою толстозадую подружку.

– Это какую?

– Вон, – она кивнула в сторону Лидки, стоящей на краю образованного круга со стаканчиком в руке и с застывшей на лице недовольной миной.

– Лидку, что ли?

– Ее самую.

– Да какая ж она мне подружка? Я свободен.

– Судя по ее физиономии, она так не думает. – Настя покосилась в ее сторону и поморщилась: – Если у меня будут проблемы, ты, мажорчик, ответишь своей головой.

– Кто? – усмехнулся я. – Как ты меня назвала?

– Лучше разомнись как следует, чем языком чесать, – с деловым видом предложила напарница. – Что-то твой соперник бодрее тебя выглядит.

– Шутишь?

– Вообще-то, он спортом занимается. И на занятия боксом трижды в неделю ходит. Это, если что, я тебя предупреждаю. Мало ли ты с ним в рукопашную полезешь – так Кирилл тебя в два счета вырубит.

– Слушай, кнопка, ты, вообще, за чью команду? – Я ощутил, что мое самолюбие сейчас больно уязвили. – Откуда ты про него столько знаешь? Я начинаю ревновать.

– Если честно, у него гораздо больше шансов, чем у тебя. Без обид, Гай. Если бы нужно было выбирать из вас двоих, то…

– Понял! – Я шумно выдохнул, приседая, чтобы она взобралась на мои плечи. – Ты просто хотела меня разозлить, и тебе это удалось.

– Вообще-то, это чистая правда. – Под дружный свист Настя аккуратно устроилась на моих плечах. – И Кирилл гораздо симпатичнее тебя. Не знаю, куда девчонки смотрят и что они такого в тебе находят…

Ее руки блуждали по моему телу, выбирая место, где лучше ухватиться. Пальчики скользили по шее, щекотали за ушами, путались в волосах и наконец ухватились за подбородок.

– Ай! Ой! – доносилось сверху.

– Осторожнее, Ежа, глаза мне не выцарапай! – мотнул я головой, поднявшись на ноги.

Маленькие пальчики вцепились в челку.

– Еще. Раз. Назовешь. Меня… – Девчонка была невесомой, но ерзала будь здоров.

Но стоило только схватить ее за колени, как она замерла. По моему телу побежали, сменяя друг друга, волны жара и холода. Мгновенная реакция на ее тепло и тяжесть. Дух захватило от ощущений – невероятно приятных, надо заметить. И даже то, как на нее, сидящую на моих плечах неуклюжую ботаничку, все сейчас смотрели – раскрыв от удивления рты, мне жутко нравилось. Это прибавляло сил.

Настя

Я казалась себе ужасно жалкой, посмешищем. И все-таки – вопреки мольбам внутреннего голоса и здравому смыслу – поддалась на уговоры Гая. А еще, чего уж там, так захотелось позлить Лидку, которая чуть не лопнула, увидев меня рядом с ним.

Гай не проиграет! Он крепкий, а какие у него мускулы! И весь он такой… Я чуть сознание не потеряла, когда он скинул рубашку и небрежно набросил на меня. Принялась болтать что попало, опьяненная его запахом, и пялилась как завороженная на голый торс.

Слишком красивый и мощный. Я была не в силах отвести взгляд. Когда его губы, чувственные и мягкие, расплывались в торжествующей ухмылке, он был неотразим. И становилось понятно, как у него получалось подчинять себе девиц. И меня в два счета очаровал, чего уж тут!

А когда пришлось взобраться на его широкие плечи, я, сведенная с ума его парфюмом и запахом терпкого мужского пота, медленно погрузилась в безумие – трогала дрожащими руками его волосы и шею. Нагло и беспардонно пользовалась тем, что нужно было ухватиться за него покрепче. И, кажется, совершенно потеряла голову.

– Поехали! – раздался голос Дэна.

– Раз! – начала дружно отсчитывать толпа.

– Мамочки! – пискнула я.

Гай опустился на корточки и встал так легко, словно я ничегошеньки не весила. Только его мышцы напряглись, туго перекатываясь под кожей.

– Два!

Кирилл покраснел, распрямляя ноги, но все-таки поднял девушку.

– Три!

Я опускалась и поднималась вместе с Гаем, ощущая каждой клеточкой его движение, слушая сквозь свист и крики окруживших нас людей его дыхание. Что будет, когда все это закончится?

– Двадцать!

Я закрыла глаза, погружаясь в его мускусный запах и наслаждаясь ощущением его близости.

– Сорок!

Рома покачнулся, но все-таки удержал равновесие. Его руки едва ощутимо задрожали, дыхание стало прерывистым. Ему было трудно, но я никак не могла ему помочь. Его соперник приседал все медленнее и разгибался уже с трудом.

– Пятьдесят!

Почти касаясь носом мягких волос Романа, я прошептала:

– Не сдавайся!

– И не думал, – соврал он, сильнее впиваясь в мои ноги пальцами.

– Пятьдесят пять!

Я чувствовала, как мышцы Гая налились железом – они почти звенели, как струны. Я закусила губы, словно это могло ему помочь, а мое тело тем временем прошивали яркие молнии.

– Шестьдесят!

С замиранием сердца я вслушивалась в хриплое дыхание Ромы и не знала, как реагировать на охватившие меня вдруг чувства. Я словно ощутила его пробуждение: из-под маски холеного красавца вырвалось что-то дикое, неукротимое, настоящее, живое.

– Шестьдесят пять!

Во рту у меня пересохло, голова кружилась, пальцы покалывало от прикосновений к его коже.

– Все! – Чей-то радостный возглас вернул меня к реальности. – Победа!

Противник был повержен! Только убедившись, что Кирилл стоит на четвереньках, тяжело дыша, а его напарница уже прогуливается рядом, Рома остановился. С его губ сорвался длинный стон – не то рык раненого зверя, не то радостный всхлип. Только через пару секунд я поняла, что это был смех. Он медленно опустился на колени и позволил мне слезть.

Ему аплодировали. Не зная, как себя вести, я робко отошла в сторону.

– Поздравляю, Рома! – Отделившаяся от толпы Лида буквально впорхнула в его объятия, стоило только Гаю подняться на ноги.

Она обвила его руками и беззастенчиво прижалась к влажной груди.

Я отвернулась. Это было очень… отрезвляюще. Просто игра. Просто напарница. Одна из тех, чье имя он и не вспомнит. Потоптавшись на месте, я побежала прочь. Нужно найти Пашу и мои вещи.

– Настя! – голос Гая заставил меня вздрогнуть.

Я обернулась. Та же ухмылка. Она снова заняла свое законное место. Но он хотя бы помнил мое имя. Хотя зачем это мне? И ему?

– Что-то еще? – спросила я, пытаясь казаться равнодушной.

Но оставаться хладнокровной, глядя на его мощную грудь, покрытую капельками пота, было невозможно…

– Ага! – Он улыбнулся, и это подействовало как выстрел в сердце. – Рубашку не хочешь отдать?

– Конечно! – спохватилась я.

Стянула с себя его рубашку и протянула. А Гай перехватил мою руку и крепко сжал.

– Вот так просто уйдешь? – спросил он, приблизившись к самому лицу.

Я сглотнула комок в горле.

– А надо было спросить у тебя разрешения? – Попыталась выдернуть руку, но Гай не спешил отпускать.

Его глаза будто пытались прожечь во мне дыру.

– Я еще не все тебе сказал.

– Например?

– Не знаю! – он пожал плечами, придвинулся еще ближе. – Например, что ты красивая.

Я рассмеялась. Неужели он думает, что я глупа настолько, что на меня подействуют эти примитивные уловки?

Но Роман был серьезен. Смотрел на меня, сжав челюсти так сильно, что по его лицу гуляли желваки.

– Отпусти! – попросила я, чувствуя дрожь, пробирающую до костей.

– Не хочу! – ответил он.

– Отпусти ее! – вмешался вдруг кто-то.

Это прозвучало как угроза – отрывисто и сухо. Но даже это не заставило Гаевского разжать пальцы. Он просто не реагировал. Даже не посмотрел в сторону говорившего.

Тогда мне пришлось повторить:

– Отпусти!

10

– Слышал, что девушка сказала?

Это был Кирилл. Он подошел и почти втиснулся между нами. Воздух был наэлектризован так, что, казалось, если бы Леманн рискнул поднять руку, Гай тут же ввязался бы в драку.

Кирилл наверняка это почувствовал, поэтому просто стоял и смотрел на него. Оба парня тяжело дышали и выглядели не на шутку возбужденными.

– С тобой мы позже поговорим, – прорычал Гай, коротким кивком показывая, что ждет, когда Кирилл отойдет.

Но Леманн и не думал отступать. Стоял, широко расставив ноги, и не двигался, словно подошвы его кроссовок успели врасти в землю.

– Гай, отпусти ее! – попросил он настойчиво.

И в этот момент пальцы Ромы разжались. Но не потому, что он решил последовать совету парня, а для того, чтобы налететь на него, грубо толкнув в грудь ладонями.

– Не лезь! – Гай так сильно сжал челюсти, что его рот искривился.

Но Кирилл не только устоял на ногах, но и ответил толчком той же силы. После этого в Гаевского будто бес вселился: клянусь, мне даже показалось, что у него пар из ноздрей пошел. Наскочив на соперника, он схватил его за футболку и процедил сквозь зубы:

– Разве мы только что с тобой не выяснили все? – Подтянул к себе и едва ли не лбом уперся в лоб не желающего сдаваться Кирилла. – Ты сейчас не в свое дело лезешь, парень.

– Пожалуйста, перестаньте! – Я подбежала и, не боясь, что мне может случайно попасть, схватила за руку Гая. Она была твердой, будто железной, но только очень горячей. – Хватит! Не трогай его, Рома!

Он вздрогнул. На меня даже не глянул, нехотя отпустил футболку Кирилла, но кулаков не разжал.

– Спокойно, Гай! – Леманн одернул футболку.

Роман ухмыльнулся:

– Знакомая ситуация, да, Кир? Опять ты и я. Опять по тому же поводу сталкиваемся.

Я боялась, что они вот-вот снова набросятся друг на друга, поэтому не спешила отходить.

– Нет. И тогда, и сейчас. – Кирилл тяжело выдохнул. – На пустом месте, Гай. Опять на пустом месте. – Видя, как Роман нервно дернул плечом, он поднял руки, показывая, что не собирается нападать. – У меня нет к тебе претензий, и у тебя не должно быть. Я подошел, потому что мне показалось, что девушка хочет уйти, а ты ей не даешь.

Гай не отступал, всем своим видом показывая, что готов в любой момент броситься в бой.

– А тебе какая разница, чего она хочет?

Кирилл бросил на меня быстрый взгляд. Пожал плечами:

– Она не из таких. Ей здесь не место. Вот и все.

Это почему-то рассмешило Гая.

– Твое-то какое дело? – Он сплюнул на траву, продолжая играть стальными мускулами. – Ты мне проиграл, у нас был уговор. Помнишь какой?

Леманну явно стало неуютно. Он огляделся по сторонам и выдохнул. Хотел что-то сказать, но, взглянув на меня, передумал.

– Держи! – не выдержала я. Сунула смятую рубашку в руки Гая. – Мне пора.

Роман, позабыв о противнике, снова преградил мне путь:

– Стой! – Его лоб был изрезан напряженными складками. – Не уходи, мы не договорили.

– О чем? – я непонимающе уставилась на него. – Извини, но я здесь больше ни секунды не задержусь. Играйте сами в свои странные игры, а я ни одного из вас даже толком не знаю. Так что до свидания!

– Я отвезу тебя, – сказал он жестко и безапелляционно.

– Не нужно.

– Отвезу, сказал! – Покрутив в руках рубашку, Роман накинул ее мне на плечи. – Ты замерзла. Просто скажи, куда тебя отвезти.

Я не видела в этот момент притворства в его глазах. Будто из-под налета снобизма и самовлюбленности опять проглянуло что-то человеческое.

– Не нужно, спасибо. Просто верни мне мои вещи, которые твой приятель отнес в дом.

Гай кивнул, не отрываясь глядя на меня. Высокий, растрепанный, явно находящийся в некотором смятении, со сбивчивым дыханием и скользящими по выразительному лицу отсветами неоновых гирлянд. Смотреть в его глаза было настоящей пыткой, и у меня от этого взгляда сердце под ребрами трепыхалось, как птица в клетке.

– Настя! – Наш зрительный контакт разорвал внезапно подошедший Паша. – Как хорошо, что я тебя нашел! Как раз освободился. Тебя подвезти? Он повернулся к Роману: – Гай, в общем, я закончил, по оплате – как и договаривались. Ребята соберут инструменты, нужно только помочь погрузить их в микроавтобус, когда все закончится. – Заметив явное напряжение между нами тремя, он оглядел всех по очереди и спросил: – А что происходит? Все нормально?

– Нормально! – усмехнулся Кирилл. – Ну, я пойду. Кажется, моя помощь больше никому не требуется.

– Спасибо, – пискнула я ему в спину.

Гай молчал, продолжая тяжело дышать. Какой-то пьяный тип прошел мимо, хлопнув его по плечу, но он даже не обратил внимания. Нахмурив брови, буравил меня взглядом.

– Паша, нужно забрать пакет, – проблеяла я, заметив, как он с интересом разглядывает надетую на меня чужую рубашку. – Он в доме. Лежит.

На пару секунд в шуме вечеринки между нами повисла тишина.

– Я смотрю, ты сегодня популярна, – наконец с усмешкой хрипло произнес Гай. – Хочешь, чтобы он отвез тебя?

– Да!

– Так, значит, вы знакомы?

– Да, – ответил за меня Паша.

– И ты к нему сюда пришла.

– А… Э… В общем, да.

Глаза Романа оценивающе скользнули по моей фигуре, и тут же он потерял всякий интерес. Как по щелчку пальцев в нем включилась развязная беззаботность.

– Паша, – улыбнулся он парню, точно лучшему другу. Достал из кармана джинсов несколько купюр, добавил к ним еще парочку и вложил в его руку: – Спасибо, дружище! Все было здорово. Рад, что ты поработал сегодня для нас.

– Пожалуйста! – Суриков даже немного растерялся, не понимая перемены в настроении Гая.

– Как жена? Как сын? – вкрадчивым голосом спросил он у Паши.

Гай выглядел истинным ангелом. Вот только в улыбке было что-то дьявольское.

Парень с кольцом в носу с любопытством посмотрел на Гая:

– Отлично. Я и закончил сегодня пораньше, чтобы вернуться домой и успеть повидаться с Димкой до того, как он уснет.

– Рад, что у вас все хорошо. Ане передавай от меня привет.

– Обязательно, – Паша кивнул. – А вещи?

– Я принесу, – заверил Роман, весело подмигивая мне. – Хорошо отдохнуть, Настя.

– А… – Я стала стаскивать с себя его рубашку.

Он подошел ко мне вплотную.

– Нет, – Гаевский по-хозяйски положил мне руки на плечи. – Не снимай. Тебе идет. Потом отдашь.

Наклонился, забирая у меня дыхание вместе с силой воли и заставляя дрожать. Бесцеремонно скользнул ладонями к груди и… бережно застегнул верхнюю пуговицу на рубашке. А затем… просто отпустил. И продолжал смотреть диким, собственническим взглядом сине-зеленых глаз, смеющихся и надменных, в которых, как мне почудилось, плескалась боль пополам с разочарованием. Адская смесь, от которой у меня в очередной раз сильно закружилась голова.

– Рома-а! – кто-то позвал его недовольно и капризно.

Он даже бровью не повел. Так и продолжал стоять, глядя пристально на меня, пока его не позвали снова.

– Ро-о-м!

Это была Лида. Длинноногая, стройная, модельной внешности Лида. Она была выше меня на голову, всегда умело подчеркивала высокую грудь и тонкую талию с помощью одежды от известных брендов. Такой девушке уж точно не суждено было опозориться, упав в лужу перед всем универом, чтобы ее заметил такой красавчик, как Роман Гаевский. Достаточно было вот так капризно позвать, надуть губки и поманить наманикюренным пальчиком.

– Прощай, Ежа, – шепнул он мне, даря последнюю улыбку.

Развернулся и ленивой походкой направился к девчонке. Уж как бы мне не хотелось отвернуться и не смотреть ему вслед, но я все равно, опустив голову, осторожно покосилась на них. От моего взгляда не скрылось, как его ладонь по-хозяйски опустилась на ягодицу Лиды и крепко ее сжала.

– Что ты хотела, детка? Соскучилась? – бархатным голосом промурлыкал он, прикасаясь губами к ее тонкой шее.

Лида взвизгнула и звонко рассмеялась.

– Гай! – окликнул его Пашка. – Настины вещи.

– Да, точно, – неохотно отозвался тот.

Притянув девицу за талию, он поцеловал ее и резко отпустил. Она чуть не потеряла равновесие, провалившись тонкими шпильками в мягкий газон и взмахнув руками. Но Гай не обратил на это внимания, он поймал мой взгляд и хитро улыбнулся.

А я сморщилась. Да нет мне никакого дело до их брачных игр! Отвратительное зрелище, мерзкое. Единственное, что мне сейчас интересно, – побыстрее свалить отсюда и добраться до больницы.

– Пойдем, – позвал Паша, – моя машина там.

Мы вышли за калитку. Суриков подошел к небольшому бежевому автомобильчику и открыл ключом дверцу. Залез внутрь и открыл для меня пассажирскую дверь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.